

Βρυῶσου, v. ΓΑ.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Στέφανος
ВѢНОКЪ

СТИХИ 1903—1905 ГОДА.

ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.—ПРАВДА ВѢЧНАЯ КУМИРОВЪ.

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.—СОВРЕМЕННОСТЬ.

СЛАВА ТОЛПѢ.

ДУХИ ОГНЯ.—КОНЬ БЛѢДЪ.

МОСКВА. 1906.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“.

PG3453
B757

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

СБОРНИКИ СТИХОВЪ.

Chefs d'Œuvre. Изд. 2-е. М. 1895.	Распродано.
Me eum esse. М. 1897.	Распродано.
Tertia Vigilia М. 1900. К-во «Скорпионъ».	Распродано.
Urbi et Orbi. М. 1903. К-во «Скорпионъ».	Ц. 2 р.
Stephanos. М. 1906. К-во «Скорпионъ».	Ц. 2 р.
Пути и перепутья. Избранные стихи 1894—1906.	Готовится.

ПЕРВОДЫ ВЪ СТИХАХЪ.

Поль Верленъ. Романсы безъ словъ. М. 1894.	Распродано.
Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности.	Печатается.
Эдгаръ По. Поэмы.	Готовится

ПРОЗА.

О искусствѣ. М. 1899.	Распродано.
Письма Пушкина. М. 1902. К-во «Скорпионъ».	Ц. 1 р. 50 к.
Далекіе и близкіе. Статьи.	Готовится.
Земля. Разказы и драматическія сцены.	Готовится.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

• ПРЕДИСЛОВІЕ.

Теперь тебѣ не до стиховъ,
О слово русское, родное!
 Ю. Тютчевъ.

Бѣдная моя книга! Я отдаю тебя читателямъ въ дни, когда имъ нуженъ не голосъ спокойныхъ раздумій, не напѣвы извѣчныхъ радостей и извѣчныхъ страданій, но гимны борьбы и бой барабановъ. Ты будешь похожа, моя книга, на безумнаго пѣвца, который вышелъ на поле битвы, въ дымъ, подъ выстрѣлы,—только съ арфой. Одни, пробѣгая, не замѣтятъ тебя, другіе оттолкнутъ со словами «не время!», третьи проклянутъ за то, что въ рукахъ у тебя не оружіе. Не отвѣчай на эти упреки. Они правы: ты не для сегодняшняго дня. Проходи мимо, чтобы спокойно ждать своего часа.

Прощай, моя бѣдная книга! Ты уже далека и отъ меня. Да, настало время военныхъ трубъ и пѣсенъ сраженій.

21 ноября 1905.

Валерій Брюсовъ.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

ПОЭТУ, МЫСЛИТЕЛЮ, ДРУГУ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Вячеславу Иванову.

Когда впервые, въ годы блага,
Открылся мнѣ священный міръ,
И я со скаль Архипелага
Заслышалъ зовъ истлѣвшихъ лирь,

Когда опять во мнѣ возникла
Вся рать, мутившая Скамандръ,
И дерзкій вскормленникъ Перикла,
И завершитель Александръ,—

Въ душѣ зажглась какая вѣра!
Съ какимъ забвеніемъ я пилъ
И нектаръ сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхиль!

Какъ путникъ надъ разверстой бездной,
Надъ тайной двадцати вѣковъ,
Стремилъ я руки бесполезно
Къ былымъ тѣнямъ, какъ въ область сновъ.

Но путь былъ дологъ, сердце слѣпло,
И зоркость грезъ мрачили дни,
Лишь глубоко подъ грудой пепла
Той вѣры теплились огни.

И вотъ въ столицѣ жизни новой,
Гдѣ всѣхъ стремящихъ силъ просторъ,
Ты мнѣ предсталъ: и жрецъ суровый
И вѣчно юный тирсофоръ!

Какъ страненъ въ шумѣ нашихъ споровъ,
При нашей ярой слѣпотѣ,
Напѣвъ твоихъ побѣдныхъ хоровъ
Къ неумиравшей красотѣ!

И нашу сѣверную лиру
Сведя на эолійскій звонъ,
Ты возвращаешь мнѣ и міру
Родной и близкій небосклонъ!

ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.

De la musique avant toute chose.

Verlaine.

ПРИВѢТСТВІЕ.

Поблекъ предзакатный румянецъ.
На нитяхъ серебряно-тонкихъ
Жемчужныя звѣзды повисли,
Внизу—ожерелье огней,
И пляшутъ вечернія мысли
Размѣренно - радостный танецъ
Среди еле слышныхъ и звонкихъ
Напѣвовъ встающихъ тѣней.

Полміра, подъ таинствомъ ночи,
Вдыхаетъ стихійныя чары
И слушаетъ тѣ же напѣвы
Во храмѣ разверстыхъ небесъ.
Дрожать обезсилѣвши дѣвы,
Цѣлуютъ ихъ юноши въ очи,
И мучать безумныхъ кошмары
Стремительнымъ вихремъ чудесь.

Вамъ всѣмъ, этой ночи причастнымъ,
Со мной въ эту бездну глядѣвшимъ,
Искавшимъ за поясомъ млечнымъ
Священнымъ вопросамъ отвѣтъ,
Сидѣвшимъ на пирѣ безпечномъ,
На ложѣ предсмертномъ нѣмѣвшимъ,
И нынче, въ бреду сладострастномъ,
Всѣмъ зачатымъ жизнямъ—привѣтъ!

II

Воздухъ становится синимъ,
Словно разрѣженный дымъ...
Часть упоительно-мирный
Мы успокоенно минемъ,
Близясь къ часамъ роковымъ.

Выгнулся куполь ээирный,
Двигается мѣрно съ Востока
Тѣнь отъ ночного крыла,
Въ безднѣ бездонно-глубокой
Все откровенное тонетъ,
Всюду—лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валомъ безсильныхъ огней?
Черные всадники гонять
Черныхъ быковъ милліоны,—
Стало полночныхъ тѣней!

День вечерѣль. Мы были двое.

Ө. Тютчевъ.

Помню вечеръ, помню лѣто,
 Рейна полныя струи,
 Надъ померкшимъ старымъ Кѣльномъ
 Золотые нимбы свѣта,
 Въ этомъ храмѣ богомольномъ—
 Взоры нѣжные твои...

Гдѣ-то пѣли, гдѣ-то пѣли
 Пѣсню милой старины.
 Звуки, вѣтромъ тиховѣйнымъ
 Донесенные, слабѣли
 И сливались, тамъ, надъ Рейномъ,
 Съ робкимъ ропотомъ волны.

Мы любили! мы забыли,
 Это вѣчность или часъ!
 Мы тонули въ сладкой тайнѣ,
 Намъ казалось: мы не жили,
 Но когда-то Heinrich Heine
 Въ стройныхъ строфахъ пѣлъ про насъ!

IV

ТУМАНЪ.

Вдоль тихаго канала
Склоняють вѣтви ивы
Дорога льнетъ къ водѣ,
Но тѣни торопливы,
И чу! ночная птица
Кричитъ привѣтъ звѣздѣ.

Вдоль тихаго канала
Проходить вереница
Поникшихъ бѣлыхъ дѣвъ.
Онѣ идутъ устало,
Закрывъ вуалью лица
И станъ фатой одѣвъ.

Изъ тихаго канала,
Какъ бѣлыя громады,
Встаютъ ряды коней,
И всадники ихъ рады
Дышать вечерней влагой,
Спѣшать скорѣй, скорѣй!

Вдоль тихаго канала
Летятъ лихой вагагой
И манятъ дѣвѣ съ собой,
Имъ руки простираютъ—
И бѣлый плащъ свиваютъ
Съ ихъ бѣлою фатой!

v

ГОЛОСЪ ПРОШЛАГО.

Вьеть дорога на деревни
Зеленѣющимъ овсомъ,
И поеть мнѣ голосъ древній,
Колокольчикъ, о быломъ.

Словно въ прошлое глядится
Мѣсяць, вставшій надъ рѣкой,
И янтарный ликъ двонится:
Онъ и тотъ же, и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечеръ и овесь,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донесъ.

Какъ въ туманѣ все поблекло,
На минувшихъ годахъ тѣнь...
Такъ едва мерцають стекла
Удаленныхъ деревень.

Все темнѣе. Кто томится
Въ смутной пѣснѣ подъ дугой?
Словно въ прошлое глядится
Ликъ янтарный надъ рѣкой.

VI

ЦѢЛЕНІЕ

Цѣлить вечернее безволіе
Мечту смятенную мою.
Лучей дневныхъ не надо болѣе,
Всю тусклость мига признаю!

Пускай темнѣютъ дали синія,
Я не зажгу во тьмѣ свѣчи:
Въ душѣ ни смѣха, ни унынія...
Ты, голосъ памяти,—молчи!

Обвили сладостными платами
Мнѣ тѣни дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Надъ взоромъ тягостная муть.

Идутъ часы—мгновенья сѣр्या,
Царить всевластно темнота...
Иль позабыть во мглѣ пещеры я,
И все что было—лишь мечта?

Иль я лишь прахъ во гробѣ тлѣющій,
Я—чей-то призракъ въ блѣдной мглѣ,
Къ давно-минувшему зывающій
И всѣмъ безвѣстный на землѣ!

VII

ОХОТНИКЪ.

Надъ бредомъ предзакатныхъ маревъ,
Надъ трауромъ вечернихъ тучъ,
По ихъ краямъ огнемъ ударивъ,
Возносится послѣдній лучъ.

И глуби черныя покинувъ,
Въ лазурный день изъ темноты
Взлетаетъ яркій рой павлиновъ,
Раскрывъ стоцвѣтные хвосты.

А Ночь, охотникъ съ вѣрнымъ лукомъ,
Кладетъ на тетиву стрѣлу.
Она взвилась съ протяжнымъ звукомъ,
И птица падаетъ во мглу.

Весь выводокъ сразили стрѣлы .
Отъ пестрой стаи нѣтъ слѣда...
На Западъ, слѣпо потемнѣлый,
Глядитъ Восточная Звѣзда

Б 2

vii

ПРОЩАНІЕ.

Вотъ и ты, печальная, отчалила
Отъ моихъ безмолвныхъ береговъ.
Солнце блѣдный трей вѣнокъ ужалило,
Солнце воды окропило золотомъ,
Дали синія—передъ тобой какъ зовъ.

Я одинъ теперь подъ сводомъ каменнымъ,
Я одинъ среди померкшихъ скалъ.
Что жъ! пойду въ пещеру къ вѣрнымъ молотамъ,
Ихъ вносить надъ горномъ жгуче-пламеннымъ
Опускать ихъ на пылающій металлъ.

Гулокъ стукъ. Со мной лишь гномы плѣнные,
Злобные подручники мои,
Да мои видѣнія мгновенныя,
Да въ мечтахъ послѣднихъ—волны пѣнныя,
Разсѣченныя движеніемъ ляди.

ix

ТИШИНА.

Вечерь мирный, безмятежный
Кротко намъ взглянулъ въ глаза
Съ грустью тайной, съ грустью нѣжной...
И въ душѣ подь тихимъ вѣтромъ
Накренились паруса.

Даръ случайный, даръ мгновенный,
Тишина, продлись! продлись!
Надъ равниной вѣчно пѣнной,
Надъ прибоемъ, надъ буруномъ,
Звѣзды первыя зажглись.

О плывите! о плывите!
Тихо зыблемые сны!
Словно змѣи, словно нити,
Вьются, путаются, рвутся
На волнахъ огни луны.

2*

Не уйти намъ, не уйти намъ
Изъ серебряной черты!
Мы—горимъ въ кольцѣ змѣиномъ,
Мы—два призрака въ сіяньи,
Мы—двѣ тѣни, двѣ мечты!

ПЕРВЫЯ ВСТРѢЧИ.

Какъ любилъ я, какъ люблю я эту робость первыхъ встрѣчъ,
Эту бѣглость поцѣлуя и прерывистую рѣчь!

Какъ люблю я, какъ любилъ я эти милыя слова,—
Ихъ напѣвъ не позабылъ я, ихъ душа во мнѣ жива.

Я отъ ласковыхъ признаній, я отъ нѣжныхъ просьбъ отвыкъ,
Сталъ мнѣ близокъ крикъ желаній, страсти яростный языкъ,

Всѣ слова, какія мучать воспаленныя уста,
Въ часъ, когда безстыдству учать—темнота и нагота!

Изъ восторговъ и уныній я влекусь на голось твой,
Какъ изгнанникъ, на чужбинѣ услыхавшій зовъ родной.

Здѣсь въ саду, гдѣ дышатъ тѣни, здѣсь, гдѣ въ сумракѣ свѣтло,
Быстрой поступью мгновеній ввовъ былое подошло.

Вижу губы въ легкой сѣти ускользящихъ тѣней.
Мы вѣдь дѣти! всѣ мы дѣти, мотыльки вокругъ огней!

Ты укрыла, уклонила въ темноту смущенный взглядъ...
Это было! все, что было, возвратилъ вечерній садъ!

Страсти сны намъ только снятся, но душа проснется вновь,
Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся—лишь влюбленность! лишь любовь!

XI

УМИРАНИЕ ЛЮБВИ.

Ранняя осень любви умирающей!
Тайно люблю золотые цвѣта
Осени ранней, любви умирающей!
Вѣтви прозрачны, аллея пуста,
Въ сини блѣднѣющей, вѣющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота.

Листья со вздохомъ, подъ вѣтромъ, ихъ нѣжащимъ,
Тихо взлетаютъ и катятся вдаль,
(Думы о прошломъ въ видѣннн нѣжащемъ)!
Жить и не жить—хорошо и не жаль!
Острымъ серпомъ, безболѣзненно рѣжущимъ,
Сжаты въ душѣ и восторгъ и печаль.

Ясное солнце безъ прежней мятежности,
Дождь словно капли струящихся росъ,
(Томныя ласки безъ прежней мятежности),
Запахъ въ садахъ доцвѣтающихъ розъ.
Въ сердцахъ родникъ успокоенной нѣжности,
Счастье—безъ ревности, страсть—безъ угрозъ.

Здравствуйте, дни, голубые, осенніе,
Золото липъ и осинъ багрянецъ!
Здравствуйте, дни предъ разлукой, осенніе,
Блѣдный—надъ яркими днями—вънецъ!
Дни недосказанныхъ словъ и мгновенія
Въ кроткой покорности слитыхъ сердець!

xii

ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Вѣтеръ печальный,
Многострадальный,
Съ лаской прощальной
Вѣтви клоня,
Свѣялъ хрустальный
Дождь на меня.

Тѣнью зеленой
Липъ осѣненный,
Я, окропленный
Майскимъ дождемъ,—
Жрецъ преклоненный
Предъ алтаремъ.

День миновавшій,
Свѣтъ отсіявшій,
Дождь пробѣжавшій,—
Гимнъ этотъ—вамъ!
Вечеръ наставшій,
Властвуй, какъ храмъ!

Ливень весенній
Смолкъ. Безъ движеній
Первыя тѣни
Въ тихой дали.
Чась примиреній
Съ миромъ земли!

xiii

НА САЙМЪ.

I

Меня, искавшаго безумій,
Меня, просившаго тревогъ,
Меня, ввѣрившагося думѣ
Подъ гулъ колесъ, въ столичномъ шумѣ,
На тихій берегъ бросилъ Рокъ.

И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осяня,
Смирила буйную мятежность,
Мнѣ даровала миръ и нѣжность
И вкрадчиво влилась въ меня.

И между сосенъ тонкоствольныхъ,
На фонѣ тайны голубой,
Какъ зовъ отъ всѣхъ томленій дольныхъ,—
Залогъ признаній безглагольныхъ,—
Возникъ твой обликъ надо мной!

2

Желтымъ шолкомъ, желтымъ шолкомъ
 По атласу голубому
 Шьютъ невидимыя руки.
 Къ горизонту золотому
 Ярко-пламеннымъ осколкомъ
 Сходить солнце въ часъ разлуки.

Тканью празднично-пурпурной
 Убираетъ кто-то дали,
 Разстилая багряницы,
 И въ водѣ желто-лазурной
 Заметались, заблестали
 Красно-огненные птицы.

Но серебряныя змѣи,
 Извивая подъ лучами
 Спинь лучистыя зигзаги,—
 Безпошадными губами
 Ловятъ, ловятъ все смѣлѣе
 Птицъ, мелькающихъ во влагѣ!

3

Въ дали, благостно сверкающей,
 Вечеръ бѣлый бисеръ лижетъ.
 Валъ несмѣло набѣгающій
 Съ влажной лаской отмель лижетъ.

Ропоть ровный и томительный,
 Плескъ безпѣнный, шумъ прибоа,
 Голось сладко убѣдительный,
 Зовъ смиренья, зовъ покоя.

Сосны, сонно онѣмѣлыя,
 Въ блѣдномъ небѣ встали четко,
 И надъ ними тѣни бѣлыя
 Молча гаснуть, тають кротко.

4

Мохъ, да верескъ, да граниты...
 Чуть шумить сосновый боръ.
 Съ поворота вдругъ открыты
 Дали синія озеръ.

Какъ коверъ надъ легкимъ склономъ
 Нѣжный папоротникъ сплелъ.
 Чу! скрипитъ съ протяжнымъ стономъ
 Наклоненный бурей стволъ.

Сколько моши! сколько лѣни!
 То гранить, то мягкій мохъ...
 Набѣгаетъ ночь безъ тѣни,
 Вѣя, словно вѣщій вздохъ.

5

Я—упоенъ! мнѣ ничего не надо!
 О только бѣ длился этотъ ясный сонъ,
 Тянулись тѣни сѣвернаго сада,
 Сіялъ осенне-блѣдный небосклонъ,
 Качались волны, шитыя шелками,
 Лиловымъ, краснымъ, желтымъ, золотымъ,
 И, проблеставъ надъ синью янтаряца,
 Сгушало небо свой жемчужный дымъ.
 И пало безумье бѣлой ночи,
 Прозрачной, призрачной, чужой—и ты,
 Моимъ глазамъ свои вѣрять очи,
 Смущаясь и томясь искала бѣ темноты!

6

Мы въ лодкѣ вдвоемъ, и ласкаетъ волна
 Насъ робкимъ и зыбкимъ качаньемъ.
 И въ небѣ и въ насъ безъ конца тишина,
 Насъ вечеръ ласкаетъ молчаньемъ.

И сердце не вѣрять въ странѣ тишины,
 Что здѣсь, надъ чертогами Ато,
 Звенѣли мечи, и вожди старины
 За сампо рубились когда-то.

И сердце не вѣрить, дыша тишиной,
Ласкательнымъ миромъ Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось въ предсмертной истомѣ.

7

Голубое, голубое
Око сумрачной страны!
Каждый день ты вновь иное:
Грестишь, пламенное, въ зноѣ,
Въ непогоду кроешь сны.

То, въ свинцовый плащъ одѣто,
Сосны хмуришь ты, какъ брови;
То горишь лучами свѣта,
Отъ заката ждешь отвѣта,
Все—истома, все—любовь! .

То, надѣвъ свои алмазы,
Тихимъ ропотомъ зыбей,
Ты весь день ведешь рассказы
Про народъ голубоглазый,
Про его богатырей!

Rauha.

ПРАВДА ВѢЧНАЯ КУМИРОВЪ.

Позналъ ты правду вѣчную кумировъ.

И в. Коневской.

КЪ ДЕМЕТРЪ.

Небо четко, небо сине,
Жгучій лучъ палитъ поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;
Губы вѣющаго вѣтра
Ищутъ, что поцѣловать...
Низойди въ свой мѣръ, Деметра,
Воззови уснувшихъ, мати!

Глыбы взрыхленныя черны,
Ихъ вспоилъ весенній снѣгъ.
Гдѣ вы, дремлющія зерна,
Замышляйте свой побѣгъ!
Званы вы на пиръ вселенной!
Стебли къ солнцу устремя,
Къ жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!

И въ душѣ за ночью зимней
Тоже—свѣтъ, и тоже—тишь.
Что жъ, душа, въ весеннемъ гимнѣ
Ты проснуться не спѣшишь?
Какъ засѣянное поле
Простираются мечты,
И въ огнистомъ ореолѣ
Солнце смотреть съ высоты.

Брошень былъ порой осенней
И въ тебя богатый сѣвъ,—
Зерна страсти и мученій,
Вскоснитесь какъ напѣвъ!
Время вамъ въ движеньяхъ метра
Прозвучать и проблестать.
Низойди въ свой міръ, Деметра,
Воззови къ уснувшимъ, мать!

II

АДАМЪ И ЕВА.

ЕВА.

Адамъ! Адамъ! приникни ближе,
Прильни ко мнѣ, Адамъ! Адамъ!
Свисаютъ вѣтви ниже, ниже,
Плоды склоняются къ устамъ.

АДАМЪ.

Приникни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисаютъ вѣтви справа, слѣва,
Плоды вонзаются въ уста.

ЕВА.

Адамъ! Адамъ! кто вѣтви клонить?
Кто клонить, слабую, меня?
Въ пѣвучихъ волнахъ тѣло тонетъ,
Твои касанья—изъ огня!

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

АДАМЪ.

Что жжеть дыханье, Ева! Ева!
 Едва могу взглянуть, вздохнуть...
 Что это: плодь, упавшій съ древа,
 Или твоя живая грудь?

ЕВА.

Адамъ! Адамъ! я—вся безвольна...
 Гдѣ ты, гдѣ я?.. все—сонъ или явь?
 Адамъ! Адамъ! мнѣ больно, больно!
 Пусти меня—оставь! оставь!

АДАМЪ.

Такъ надо, надо, Ева! Ева!
 Я—твой! Я—твой! Молчи! Молчи!
 О, какъ сквозь вѣтви, справа, слѣва,
 Потокомъ ринулись лучи!

ЕВА.

Адамъ! Адамъ! мнѣ стыдно свѣта!
 О, что ты слѣлалъ! Что со мной?
 Ты позабылъ слова запрета!
 Уйди! уйди! дай быть одной!

АДАМЪ.

Какъ плодь сорвалъ я, Ева, Ева?
 Какъ разлавить его я могъ?
 О вотъ онъ, знакъ Святого Гнѣва—
 Текущій красный, красный сокъ!

III

ОРФЕЙ И ЭВРЕДИКА.

ОРФЕЙ.

Слышу, слышу шагъ твой нѣжный,
Шагъ твой слышу за собой.
Мы идемъ тропой мятежной,
Къ жизни мертвенной тропой.

ЭВРЕДИКА.

Ты—ведешь, мнѣ—быть покорной,
Я должна итти, должна...
Но на взорахъ—облакъ черный,
Черной смерти пелена.

ОРФЕЙ.

Выше! выше! всѣ ступени,
Къ звукамъ, къ свѣту, къ солнцу вновь!
Тамъ со взоровъ стають тѣни,
Тамъ, гдѣ ждетъ моя любовь!

ЭВРЕДИКА.

Я не смѣю, я не смѣю,
 Мой супругъ, мой другъ, мой братъ!
 Я лишь легкой тѣнью вѣю,
 Ты лишь тѣнь ведешь назадъ.

ОРФЕЙ.

Вѣрь мнѣ! вѣрь мнѣ! у порога
 Встрѣтишь ты, какъ я, весну!
 Я, заклявшій лирой—бога,
 Пѣсней жизнь въ тебя влдохну!

ЭВРЕДИКА.

Ахъ, что значать всѣ напѣвы
 Знавшимъ тайну тишины!
 Что весна,—кто видѣлъ сѣвы
 Асфоделевой страны!

ОРФЕЙ.

Вспомни, вспомни! лугъ зеленый,
 Радость пѣсенъ, радость иляскъ!
 Вспомни, въ ночи—потаенный
 Сладко жгучій ужасъ ласкъ!

ЭВРЕДИКА.

Сердце—мертво, грудь—недвижна.
 Что вручу объятью я?
 Помню сны,—но непостижна,
 Другъ мой бѣдный, рѣчь твоя.

ОРФЕЙ.

Ты не помнишь! ты забыла!
Ахъ! я помню каждый мигъ!
Нѣтъ, не сможетъ и могила
Затемнить во мнѣ твой ликъ!

ЭВРЕДИКА.

Помню счастье, другъ мой бѣдный,
И любовь, какъ тихій сонъ...
Но во тьмѣ, во тьмѣ безслѣдной
Блѣдный ликъ твой затемнень...

ОРФЕЙ.

— Такъ смотри!—И смотреть дико,
Вспять, во мракъ пустой, Орфей.
— Эвредика! Эвредика!—
Стонуть отзвуки тѣней.

IV

МЕДЕЯ.

На позлащенной колесницѣ
Она свергаетъ столу съ плечъ
И надъ дѣтьми безумной жрицей
Возносить изощренный мечъ.

Узду грызущіе драконы,
Взметая крылья, рвутся въ высь;
Сверкнулъ надъ ними бичъ червлёный,—
Съ земли рванулись, понеслись.

Она летитъ, бросая въ доли
Куски окровавленныхъ тѣлъ,
И мчится съ нею гимнъ веселый,
Какъ туча зазвенѣвшихъ стрѣлъ.

«Вотъ онъ, вотъ онъ, вѣтеръ воли!
Здравствуй! въ уши мнѣ свисти!
Вижу бездну: море, поле—
Съ окрыленнаго пути.

«Мнѣ лишь снилось, что съ людьми я,
Сонъ любви и счастья сонъ!
Духъ мой, пятая стихія,
Снова сестрамъ возвращенъ.

«Я ль, угодная Гекатѣ,
Ей союзная, могла
Возлюбить тшету объятій,
Сопрягающихъ тѣла.

«Мнѣ ли, мощью чародѣйства
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать въ тиши семейства,
Какъ простой женѣ раба?

«Выше, звѣри! хмелемъ мести
Я дала себѣ вздохнуть.
Мой подарокъ—на невѣстѣ,
Жжетъ ей дѣвственную грудь.

«Но, дробя тѣла на части
И бросая на земь ихъ,
Я позоръ послѣдней страсти
Отрясаю съ чреслъ моихъ.

«Выше, звѣри! взвейтесь выше!
Не склоню я внизъ лица,
Но за моремъ вижу крыши,
Верхъ Ээтскаго дворца».

Вожжи брошены драконамъ,
Круче въ воздухъ стезя.
Поспѣшаютъ за Язономъ,
Обезумѣвшимъ, друзья.

Каждый шагъ—предъ нимъ гробница,
Онъ лобзаетъ красный прахъ...
Но, какъ огненная птица,
Золотая колесница
Въ дымно рдяныхъ облакахъ.

v

ТЕЗЕЙ АРИАДНЪ.

«Ты спишь отъ долгихъ ласкъ усталая,
Предавшись дрожи корабля,
А все растетъ полоска малая,—
Тебѣ сужденная земля!

«Когда сошелъ я въ сѣнь холодную,
Во тьму излучистыхъ дорогъ,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала превозмогъ.

«Въ борьбѣ, меня твой ликъ божественный
Властнѣй манилъ, чѣмъ дальній лавръ...
Вазиль я съ силой сверхъестественной,—
И палъ упрямый Минотавръ!

«И сердце въ первый разъ извѣдало,
Что есть блаженство на землѣ,
Когда свое бѣенье предало
Тебѣ—на темномъ кораблѣ!

«Но всѣмъ судило Неизбѣжное,
Какъ высшій долгъ,—быть палачомъ.
Друзья! сложите тѣло нѣжное
На этомъ мху береговомъ.

«Довольно страсть путями правила,
Я въ даръ богамъ несу ее.
Намъ, какъ маякъ, давно поставила
Афина строгая—копье!»

И надъ водною могилой
Въ отчій край, гдѣ ждетъ Эгей,
Вѣютъ черныя вѣтрила—
Крылья вѣстника скорбей.

А надъ спящей Ариадной,
Словно сонная мечта,
Богъ въ коронѣ виноградной
Клонитъ страстныя уста.

v i

АХИЛЛЕСЪ У АЛТАРЯ.

Знаю я, во вражьемъ станѣ
Изогнулся мѣткій лукъ,
Слышу въ утреннемъ туманѣ
Тетивы пѣвучій звукъ.

Всталъ надъ жертвой облакъ дыма,
Пѣсня хора весела,
Но разить неотвратимо
Филоктетова стрѣла.

Я спѣшу склонить колѣна,
Но не съ трепетной мольбой.
Обрученъ я, Поликсена,
На единый мигъ съ тобой!

Всѣмъ равно въ глухомъ Эребѣ
Годы долгіе скорбѣть.
Но прекрасенъ ясный жребій—
Просіять и умереть!

Мать звала къ спокойной догѣ...
Нѣтъ! не выбралъ счастья я!
Прожумѣла въ ратномъ полѣ
Жизнь мятежная моя.

И вступивъ сегодня въ Трою
Въ блескъ царскаго вѣнца,—
Предъ стрѣлою не укрою
Я спокойнаго лица!

Дай, къ устамъ твоимъ прикинувъ,
Посмотрѣть въ лицо твое,
Чтобъ не дрогнувъ, чтобъ не крикнувъ,
Встрѣтить смерти остріе.

И, не кончивъ поцѣлуя,
Клятвы тихія творя,
Улыбаясь, упаду я
На помостъ алтаря.

vii

БАЛЬДЕРУ ЛОКИ.

Свѣтлый Бальдеръ! мнѣ навстрѣчу
Ты, какъ солнце, возносишь ликъ.
Чѣмъ лучамъ твоимъ отвѣчу?
Опаленный, я поникъ.
Я взбѣгу къ снѣгамъ, на кручи:
Ты смѣешься съ высоты!
Я внесусь багряной тучей:
Какъ звѣзда сіяешь ты!
Припалу на тайномъ ложѣ
Къ алой ласковости губъ:
Ты метнешь стрѣлу,—и что же!
Я, дрожа, сжимаю трупъ.

Но мнѣ явленъ Нертой мудрой
Призракъ будущихъ временъ.
На тебя, о златокудрый,
Лукъ волшебный наведенъ.
Въ часъ веселья, въ яснонь полѣ
Я слѣпцу вручу стрѣлу,—

Вскрикнешь ты отъ жгучей боли,
 Вдругъ повергнутый во мглу!
 И когда за темной Гелой
 Ты сойдешь къ зловѣщимъ снамъ,—
 Я предамъ, со смѣхомъ, тѣло
 Всѣмъ распятьямъ! всѣмъ цѣпямъ!
 Пусть въ пещерѣ ядъ змѣиный
 Жжетъ лицо мнѣ,—я въ бреду
 Буду пѣть съ моей Сигиной:
 Бальдеръ! Бальдеръ! ты въ аду!

Не вотще вѣщали норны
 Мнѣ таинственный обѣтъ.
 Въ пыткахъ вспомнить духъ упорный:
 Нѣтъ! не вѣченъ въ мірѣ свѣтъ!
 День настанетъ: огнебоги
 Сломаютъ мощь небесныхъ силъ,
 Рухнутъ Одина чертоги,
 Рухнетъ древній Игдразиль.
 Выше радуги священной
 Встанетъ зарево огня,—
 Но послѣдній царь вселенной,
 Сумракъ! сумракъ!—за меня.

vii

КЪ ОЛИМПІЙЦАМЪ.

Все какъ было, все какъ вѣчно.
Побѣдилъ—и побѣжденъ!
Разсѣченъ дорогой млечной
Безконечный небосклонъ.

Милліоны, милліоны
Нескончаемыхъ вѣковъ
Возносились въ бездну стоны
Оскорбляемыхъ міровъ.

Все—обманъ, все дышетъ ложью,
Въ каждомъ зеркальѣ двойникъ,
Выполняя волю Божью,
Кажеть вывернутый ликъ.

Всѣ побѣды—униженье,
Всѣ восторги—боль и стыдъ
Побѣдитель на мгновенье,
Я своимъ мечомъ убить!

На снѣгу нетлѣнно-бѣломъ
Я простергъ. Струится кровь...
За моимъ земнымъ предѣломъ,
Можетъ, властвуетъ любовь!

Здѣсь же, долу, во вселенной—
Лишь обманность всѣхъ путей,
Здѣсь правдивъ лишь смѣхъ надменный
Твой, о братъ мой, Прометей!

Олимпіецъ! бурей снѣжной
Замети мой буйный прахъ,—
Но зажжешь огонь мятежный
Навсегда въ твоихъ рабахъ!

ix

ОРФЕЙ И АРГОНАВТЫ.

Боги позволили, Арго достроенъ,
Отданъ канатъ произволу зыбей.
Станешь ли ты между смѣлыхъ, какъ воинъ,
Скаль чарователь, Орфей?

Тифись, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркій Линкей!
Тиграмъ и камнямъ довольно служила
Лира твоя, о Орфей!

Мошень Гераклъ, благородень Менотій,
Мудръ многоопытный старецъ Нелей,—
Ты же провидѣль въ священной дремотѣ
Путь предстоящій, Орфей!

Слава Язону! руно золотое
Жаждеть вернуть онъ отчизнѣ своей.
Въ день когда вышли на подвигъ герои
Будь имъ сподвижникъ, Орфей!

Славь имъ восторгъ достижимой награды,
Думами темныхъ гребцовъ овладѣй,
И навсегда заклини Симплегады
Гимномъ волшебнымъ, Орфей!

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

Въ страну безъ возврата, въ жилище
мертвыхъ устремилась богиня Истаръ—
вывести души изъ ада, чтобы онѣ
вновь ѣли и жили.

Изъ ассирійскаго эпоса.

ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Свершилось! молодость окончена!
Стою надъ новой крутизной.
Какъ было ясно, какъ утончено
Сіянье утра надо мной.

Какъ жрецъ, привѣтствуя мгновенія,
Великій праздникъ первыхъ встрѣчъ,
Впивалъ всѣ краски и всѣ тѣни я,
Чтобъ ихъ молитвенно сберечь.

И чудомъ правды примирающей
Мнѣ въ полдень пламенный дано
Изъ чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:

Признавъ въ душѣ, навстрѣчу кинутой,
Сны потаенные свои,
Увидѣть небосводъ, раздвинутый
Завѣтной радугой любви,

И сжать уста устами вѣрными,
И жизнь случайностямъ предать,
И надъ просторами безмѣрными,
На крыльяхъ страсти задрожать!

Зарю, закатно розоперстую,
Уже предчувствуя вдали,
Смотрю на бездну, мнѣ отверстую,
На шири моря и земли.

Паду,—но къ цѣли ослѣпительной
Вторично мнѣ не вознестись,
И я съ поспѣшностью томительной
Всѣмъ существомъ вливаю высь.

11

ПОРТРЕТЪ.

Черты твои—дѣтскія, скромныя,
Закрыты стыдливо виски,
Но смотреть такъ странно, бездомные,
Большіе зрачки.

Движеньями грустно усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвить тебя жгучими жадами
Дѣйствительность дня.

Не сомкнуты губы безсильныя,
Какъ будто имъ нечѣмъ вздохнуть,
Какъ будто покровы могильныя
Томятъ тебѣ грудь.

Какъ призраки, горько ненужныя,
Мы, люди, скользимъ предъ тобой.
Ты смотришься въ дали жемчужныя
Поникшей душой.

Къ глубинамъ роднымъ наклоняешься,
И рада видѣньямъ,—но вдругъ,
Вся вздрогнувъ, опять возвращаешься
Печально въ нашъ кругъ.

III

ЖРИЦЪ ЛУНЫ

I

По твоей улыбкѣ сонной
Лунный отблескъ проскользнулъ,
Властный, ласковый, влюбленный,
Онъ тебѣ призывъ шепнулъ.
Надъ твоей улыбкой сонной
Лунный лучъ проколдовалъ,
Властный, ласковый, влюбленный,
Онъ тебя поцѣловалъ.

И заслыша зовъ заклятій
Какъ родные голоса,—
Обратила ты къ Гекатѣ
Тьмой зажженные глаза.
Слыша смутный зовъ заклятій,
Блѣднымъ свѣтомъ залита,
Обратила ты къ Гекатѣ
Помертвѣлыя уста.

Въ жаждѣ ласки, въ жаждѣ страсти
Вся ты—тайна, вся ты—ложь.
Ты у лунныхъ силъ во власти,
Тѣло богу предаешь.
Въ жаждѣ ласки, въ жаждѣ страсти,
Что тебя цѣлюю я!
У Астарты ты во власти,
Ты—ея, ты—не моя!

IV

ЖРИЦЪ ЛУНЫ

2

Владыка словъ небесныхъ, Тотъ,
Тебя въ толпѣ земной отмѣтилъ,—
Лишь тѣ часы твой духъ живетъ,
Когда царить Онъ,—мертвъ и свѣтелъ.
Владыка словъ небесныхъ, Тотъ,
Призвалъ тебя въ свой сонмъ священный:
Храня таинственный чередъ,
Слѣдишь ты мѣсяцъ перемѣнный.

Приходить день, приходитъ мигъ:
Признавъ завѣтныя примѣты,
Ночному богу тайныхъ книгъ
Возобновляешь ты обѣты.
Приходить день, приходитъ мигъ:
Ты въ сонмѣ жрицъ, въ нездѣшнемъ храмѣ,
Цѣдуешь мертвый, свѣтлый ликъ
Своими алыми губами.

Ты міру нашему чужда,
Тая ревниво знаки Тота.
И въ шумѣ дня тобой, всегда,
Владѣть вѣщая дремота.
Ты міру нашему чужда,
Гдѣ слѣпо властвуешь Изида.
Межь нами—вѣчная вражда,
Межь нами—древняя обида!

v

КУБОКЪ.

И кто бь ни подадь кубокъ жгучій..

Tertia Vigilia.

Вновь тотъ же кубокъ съ влагой черной,
 Вновь кубокъ съ влагой огневою!
 Любовь. противникъ необорный,
 Я узнаю твой кубокъ черный
 И мечъ, взнесенный надо мной.

О дай принасть устами къ краю
 Бокала смертнаго вина!
 Я бросилъ шить, я уступаю,—
 Лишь дай, припавъ устами къ краю,
 Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, мечъ меня не минеть,
 И кубокъ твой беру, спѣша.
 Скорѣй! скорѣй! пусть пламя хлынетъ,
 И крикъ восторга въ небо кинеть
 Моя сожженная душа!

Б5

VI

МОЛНІЯ.

Опять душа моя расколота
Ударомъ молніи, и я,
Вдругъ ослѣпленный вихремъ золота,
Упаль въ провалы бытія.

Съ побѣднымъ хохотомъ, товарища,
Лемуры встрѣтили меня —
На пеплѣ стараго пожарища,
Въ дыму послѣдняго огня.

«Ты—нашъ!—вскричали въ дикой нѣжности,—
«Ты нашъ! и въ безднахъ вѣчно будь!
«Свободный духъ предай мятежности.
«Тропы лазурныя забудь!»»

И мнѣ отъ жгучей боли весело,
И мнѣ желаненъ мой костеръ,
И небо черный пологъ свѣсило
На мой полдослѣпшій взоръ.

vii

ВЪ ЗАСТѢНКѢ.

Кто насъ двухъ, душой враждебныхъ,
Сблизить къ общей цѣли могъ?
Кто заклѣваемъ словъ волшебныхъ
Насъ воззвать отъ двухъ дорогъ?

Кто надъ пропастью опасной
Даль намъ, взоръ во взоръ, взглянуть?
Кто связалъ насъ мукой страстной?
Кто насъ бросилъ—грудь на грудь?

Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоемъ обречены:
Были чужды наши дали,
Были разны наши сны!

Долго, съ трепетомъ испуга,
Уклонивъ глаза свои,
Отрекались другъ отъ друга
Мы предъ ликомъ Судии.

Онъ же, мудрый, онъ же, строгій,
Осудилъ, не облича.
Насъ смутилъ глухой тревогой
Смѣхъ внезапный палача.

Въ дикомъ вихрѣ—кто мы? что мы?
Листья, взвитые съ земли!
Сны восторга и истомы
Насъ какъ уголья прижгли.

Здѣсь упавъ въ безсильной дрожи,
Въ блескѣ молній и въ грозѣ,
Гдѣ же мы: на страстномъ ложѣ
Иль на смертномъ колесѣ?

Сораспята на муку,
Давній врагъ мой и сестра!
Дай мнѣ руку! дай мнѣ руку!
Мечъ взнесенъ! Спѣши! Пора!

VIII

ВИДѢНІЕ КРЫЛЬЕВЪ.

Связанные взглядомъ,
Надъ открытой бездной
Наклонились мы,—
Рядомъ! рядомъ! рядомъ!
Съ дрожью бесполезной
Предъ соблазномъ тьмы.

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути,—
Зная! зная! зная!
Что тѣснѣй объятя
Мы должны сплести!

Что твои усилія
Разорвать сплетеня
Нашихъ рукъ и глазъ!
Крылья! крылья! крылья!—
Яркое видѣнье
Ослѣпило насъ.

Страшенъ и невѣдомъ,
Тамъ Крылатый Кто-то
Озаренъ огнемъ,
Слѣдомъ! слѣдомъ! слѣдомъ!
Въ чайныи полета
Бросимся вдвоемъ!

IX

АНТОНІЙ.

Ты на закатномъ небосклонѣ
Былыхъ, торжественныхъ времянь,
Какъ исполинъ стоишь, Антоній,
Какъ яркій незабвенный сонъ.

Боролись за народъ трибуны
И императоры—за власть,
Но ты, прекрасный, вѣчно юный,
Одинъ алтарь поставилъ—страсть!

Побѣдный лавръ, и скиптръ вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросилъ на вѣсы, надменный,—
И перевѣсила любовь!

Когда вершились судьбы міра
Среди вспѣненныхъ боемъ струй,—
Вѣнецъ и пурпуръ триумвира
Ты промѣнялъ на поцѣлуй.

Когда одна черта дѣлила
Въ вѣкахъ величье и позоръ,
Ты повернулъ свое кормило,
Чтобъ разъ взглянуть въ желанный взоръ.

Какъ нимбъ, Любовь, твое сіяніе
Надъ всѣми кто погибъ любя!
Блаженъ, кто вѣдалъ посмѣянье,
И стыдъ, и гибель—за тебя!

О дай мнѣ жребій тотъ же вынуть,
И въ часъ, когда не конченъ бой,
Какъ бѣглецу, корабль свой кинуть
Вслѣдъ за египетской кормой!

x

КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, какъ рабъ не буду распять,
Иль какъ плѣнный врагъ казненъ!
Клеопатра!—Вѣрный аспидъ
Намъ обоимъ принесенъ.

Вынь на волю изъ корзины,
Какъ союзницу, змѣю,
Полюбуйся мигъ единый
На живую чешую.

И потомъ на темномъ ложѣ
Дай припасть ей намъ на грудь,
Сладкимъ холодомъ по кожѣ
Въ быстрыхъ кольцахъ проскользнуть.

Не любовь, но смерть намъ свяжетъ
Узы тягостныя рукъ,
И, скрутаясь, межъ нами ляжетъ
Нашъ послѣдній тайный другъ.

Губы въ губы,—взгляды со взглядомъ.—
Встрѣтимъ мы послѣдній судъ.
Два укуса съ жгучимъ ядомъ
Сжатыхъ рукъ не разомкнуть.

И истома муки страстной
Станетъ слабостью конца.
И замрутъ, дрожа согласно,
Утомленные сердца.

Я какъ рабъ не буду распять,
Не покорствуй какъ раба!
Клеопатра!—Вѣрный аспидъ--
Наша общая судьба.

XI

ВЪ ТРЮМЪ.

Мы—двое брошенные въ трюмъ,
Въ оковахъ на полу простертые.
Едва доходить въ глуби мертвыя
Далекихъ волнь неровный шумъ.

Прошли мы ужасы Суда,
И приговоры намъ прочитаны,
И насъ влечетъ корабль испытанный
Изъ міра жизни навсегда.

Зачѣмъ же ты, лицомъ упавъ
На доски жесткія, холодныя,
Твердишь про области свободныя,
Про воздухъ горь и запахъ травъ!

Забудь о радостныхъ путяхъ,
Забудь благоуханья смольныя,
Нашъ міръ—недѣли подневольныя,
Нашъ міръ—молчанье, мракъ и прахъ...

Но въ мигъ, когда раскрывши дверь,
Палачъ поманитъ насъ десницею,
Останься плѣнною царицею,
Миѣ руку скованную вѣрь.

Мы выйдемъ съ поднятымъ челомъ,
На мѣръ вечерній взглянемъ съ палубы,
И безъ упрека и безъ жалобы
Въ челнокъ послѣдній перейдемъ.

xii

ПОСЛѢДНІЙ ПИРЪ.

Блѣднѣютъ тѣни. Изъ-за ставень
Разсвѣтъ безстыдно кажетъ ликъ.
Надъ нами новый день безправенъ,
Еще царитъ послѣдній мигъ.

Гремитъ случайная телѣга
По тяжкимъ камнямъ мостовой.
Твое лицо бѣлѣе снѣга,
Но строгъ и ясенъ обликъ твой.

Какъ стадо пьяное кентавровъ,
Спятъ гости безобразнымъ сномъ.
Вѣнки изъ розъ, вѣнки изъ лавровъ
Залиты,—смятые,—виномъ.

На шкуры барсовъ и медвѣдей
Упали сонные рабы...
Пора помыслить о побѣдѣ
Надъ темнымъ гениемъ Судьбы!

Ты подняла фіаль фалерна
И бросила... Условный знакъ!
Моя душа осталась вѣрной:
Зовешь меня—иду во мракъ.

У насъ подъ складками одежды,
Я знаю, ровень сердцу стукъ...
Какъ нѣтъ ни страха, ни надежды—
Не будетъ ужаса и мукъ.

Два лезвія блеснуть надъ ложемъ,
Какъ сонный вздохъ провѣетъ стонъ,—
И, падая, мы не встревожимъ
Кентавровъ пьяныхъ тусклый сонъ.

XIII

ВЪ СКЛЕПѢ.

Ты въ гробницѣ распростерта въ миртовомъ вѣнцѣ.
Я цѣлую лунный отблескъ на твоёмъ лицѣ.

Сквозь рѣшетчатая окна виденъ кругъ луны.
Въ ясномъ небѣ, какъ надъ нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья вѣнчикъ влажныхъ розъ,
На твоихъ глазахъ, какъ жемчугъ, капли прежнихъ слезъ.

Лунный лучъ, лаская розы, жемчугъ серебрить,
Лунный свѣтъ обходить кругомъ мраморъ старыхъ плитъ.

Что ты видишь, что ты помнишь въ непробудномъ снѣ?
Тѣни темныя все ниже клонятся ко мнѣ.

Я пришелъ къ тебѣ въ гробницу черезъ черный садъ,
У дверей меня лемуры злобно сторожатъ.

Знаю, знаю, мнѣ недолго быть вдвоемъ съ тобой!
Лунный свѣтъ свершаетъ мѣрно путь свой круговой.

Ты—недвижна, ты прекрасна, въ миртовомъ вѣнцѣ.
Я цѣлую свѣтъ небесный на твоёмъ лицѣ!

XIV

ДВА ГОЛОСА.

Первый.

Гдѣ ты? гдѣ ты, милый?
Наклонись ко мнѣ.
Призракъ темнокрылый
Мнѣ грозилъ во снѣ,
Я была безвольна
Въ сумракѣ безъ дня...
Сердце билось больно...

Другой.

Кто зоветъ меня?

Первый.

Ты зачѣмъ далеко?
Темный воздухъ пусть.
Губы одиноко
Ищутъ милыхъ устъ.
Почему на ложѣ
Нѣтъ тебя со мной?
Гдѣ ты? кто ты? кто же?

Другой.

Въ склепѣ я—съ тобой!

вб

Первый.

Саваномъ одѣты
Руки, плечи,—прочь!
Милый, свѣтлый, гдѣ ты?
Насъ вѣнчаетъ ночь.
Жажду повторять я
Милыя слова.
Гдѣ жъ твои объятя?

Другой.

Развѣ ты жива?

Первый.

И сквозь тьму нѣмую
Вижу—близко ты.
Наклонясь, цѣлую
Милыя черты.
Иль во тьмѣ забылъ ты
Про любовь свою?
Любишь, какъ любилъ ты?

Другой.

Понялъ. Мы—въ раю.

xv

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

Астарта! Астарта! и ты посмѣялась,
Въ аду насъ отмѣтила знакомъ своимъ,
И ужасы пытокъ забылись какъ малость,
И радость надеждъ расклубилась какъ дымъ.

Одно намъ осталось—сближаться, сливаться,
Слипаться устами, какъ гроздьямъ висѣть,
Къ святынямъ касаться рукой святотатца,
Вплетаться всѣмъ тѣломъ въ Гефестову сѣть.

Дай блѣдныя руки, гдѣ язвы распятыя!
Дай бѣдную грудь, гдѣ вонзалось копьё!
Края плащаницы хочу цѣловать я,
Изъ гроба возставшее тѣло твое!

Царица желаній, изведшая души
Изъ бездны Иркаллы на пламенный свѣтъ!
Тебѣ, необорной, мы дѣтски послушны:
И ложе—какъ храмъ, и любовь—какъ обѣтъ!

6*

Астартѣ небесной, предвѣстницѣ утра,
Надъ нами сіяющей ночью и днемъ,
Я—жрецъ темноглазый, съ сестрой темнокудрой,
И ночью и днемъ воспѣваю псаломъ.

xvi

МГНОВЕНІЯ.

I

Костра расторгнутая сила
Двухъ тѣлъ сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Послѣднихъ углей красноту.

И опалены и безсмыслны
Въ объятыхъ тщетно мы дрожимъ:
Былое пламя—прахъ могильный,
Надъ нами расточенный дымъ.

Но знаю, искра тлѣетъ гдѣ-то,
Какъ фениксъ воскресаетъ страсть,—
И въ новый вихрь огня и свѣта
Намъ будетъ сладостно упасть!

2

Мука сладострастія
Искривила губы.

Ты—въ томлени счастья,
 Я—надъ темной бездною
 Двухъ померкшихъ глазъ.
 Мы—какъ серафимы.
 Мы къ лазури звѣздной
 Подымаемъ трубы,
 Въ жаждѣ сладко-длительной
 Видимъ лучъ незримый
 Близкаго разсвѣта,
 Залыхаясь, знака
 Ждемъ, чтобъ трубный гласъ
 Взрѣзалъ завѣсь мрака,
 Солнце ослѣпительно
 Встало смерчемъ свѣта
 И восторгъ стремительно
 Въ пропасть ринуть насъ.

3

Чьихъ-то ликовъ вереницы
 Наше ложе окружили,
 Вѣютъ въ пламенные лица
 Тихимъ холодомъ воскрылій.

Чьи-то лики полукругомъ
 Наклонились къ изголовью,
 Всемлемъ съ радостнымъ испугомъ
 Неземному славословью.

Рѣютъ лики свѣтлымъ дымомъ,
 И крылами гасятъ свѣчи,
 И кропятъ дождемъ незримымъ
 Наши огненные плечи.

4

Когда мы бывали
 Томительно сцѣплены
 (Губы, и руки,
 И груди, и плечи),
 Изнемогая
 Въ сладостной мукѣ,—
 Кѣмъ-то затеплены
 Строгя свѣчи
 —Отсвѣты ря—
 Въ нѣбѣ мерцали
 Передъ иконами,
 Ангелы пѣли
 Гимны хваленій
 За небосклонами,
 И нѣжились тѣни,
 Какъ въ дѣвичей постели
 Надъ полями зелеными.

5

Дай устамъ моимъ приникнуть
 Къ влажно дышащимъ устамъ,
 Чтобъ въ молчаньи могъ возникнуть
 Мой завѣтный, тайный храмъ.

Снова сходы, переходы,
Лѣстницъ узкіе винты,
Въ полутьмѣ лепечуть воды,
Вѣютъ пряные цвѣты.

Дальше! дальше! въ тѣ покои,
Гдѣ во мракѣ слѣпнетъ взоръ.
Чу! какъ пѣнье неземное,
Вдалекѣ дѣвичій хоръ.

Дѣвы! дѣвы! громче киньте
Черезъ сумракъ вѣщій зовъ!
Я теряюсь въ лабиринтѣ
Переходовъ и шаговъ.

Жажду свѣта, жажду встрѣчи
Предъ огнями алтаря.
Вотъ вдали мелькнули свѣчи,
Словно ранняя заря.

Тороплюсь, спѣшу къ подножью
Царскихъ вратъ... упалъ, нѣмой...
Съ легкимъ стономъ, съ тихой дрожью
Ты поникла надо мной.

xvii

МАРГЕРИТЬ.

Ты—какъ камень самоцвѣтный,
Ты—какъ жемчугъ маргерить;
Тайный пламень, чуть замѣтный,
Въ глубинѣ его горить.

Я—какъ уголь; жгучимъ горномъ
Пережженный, я погасъ,—
Но таясь въ углѣ черномъ
Ослѣпительный алмазь.

Года кругъ великъ и дологъ,
Въ кругъ цѣлый міръ сокрытъ:
И включилъ священный Прологъ
Книгу тайны—Маргерить.

Книгу ль тайнъ не облечете
Въ пышный бархатъ и атласъ?
Пусть блеститъ на переплетѣ
Въ ясномъ золотѣ алмазь!

Выпалъ жребій предрѣшенный:
Уголь—я, ты—маргерить.
Но мой ликъ преображенный
Предъ твоей душой горить!

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.

Бродя по думамъ и влачась по днямъ.

Tertia Vigilia.

ВСТРѢЧИ.

O toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!
Ch. Baudelaire. (A une passante)

О эти встрѣчи мимолетныя
На гулкихъ улицахъ столицъ!
О эти взоры безотчетныя,
Бесѣда бѣглая рѣсницъ!

На зыби яростной мгновеннаго
Мы двое—у одной черты;
Безмолвный крикъ желанья плѣннаго:
«Ты кто, скажи?»—отвѣтъ: «кто ты?»

И взоромъ прошлое разсказано,
И брошень зовъ ей: «Будь моею!»
И вотъ она обѣтомъ связана...
Но мигъ прошелъ, и мы не съ ней.

Далеко, тамъ, въ толпѣ скользить она,
Уже съ другимъ ея мечта...
Но развѣ страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!

11

ВСТРѢЧИ.

2

На людной улицѣ, безумной и мятежной
Мы встрѣтились на мигъ.
Знакомый взоръ съ какой-то грустью нѣжной
Въ меня проникъ.

И мы вдвоемъ надъ зеркаломъ покатымъ
Дрожали не дыша.
Въ немъ отражалась призракомъ крылатымъ
Твоя душа.

А я безкрылой, палающей тѣнью
Былъ рядомъ повторень.
Какъ будто звалъ къ послѣдному паденью
Отвѣсный склонъ.

И я ступилъ ногой за край открытый..
Но мимо ты прошла,
И встрѣтилъ шагъ лишь каменная плиты
Взамѣнъ стекла.

111

ВЪ ИГОРНОМЪ ДОМѢ.

(Chemin de fer)

—«Кто они, скажи мнѣ, птица,
Тѣ двѣнадцать вокругъ стола?
Какъ на ихъ земныя лица
Тѣнь иного налегла?»

—«Это я въ узорной башнѣ
Заточила души ихъ,
Ихъ сознаній звукъ всегдашній
Сочетала въ звонкій стихъ.

«Это я дала червонцамъ
Тусклый блескъ, холодный ядъ.
И подсолнечники къ солнцамъ
Обращенные стоятъ.

«Я языкъ дала ихъ знакамъ,
Ихъ рѣчамъ безсвязнымъ смыслъ,
Имъ дала упиться мракомъ
Тайныхъ символовъ и числъ.

«Я—мечта, но лишь качну я
Черно-синее крыло,
Слѣдъ святого поцѣлуя—
Тѣнь имъ ляжетъ на чело.

«Непостижна и незрима,
Я храню сомкнутымъ кругъ.
Не иди, безумецъ, мимо,
Будь со мной и будь мнѣ другъ!»

И, дрожа крылами, птица
Взоромъ вѣрныхъ обвела,
И покрылись тѣнью лица,
Всѣ двѣнадцать вокругъ стола.

IV

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ДОМѢ.

Ходятъ и дерзко поводятъ плечами,
 Камнями, тканями, тѣломъ блестя,
 Бедрями, шелкомъ шурша, шелестя...
 —«Что же, дитя, ты стоишь какъ во храмѣ?
 Очи опущены, шея закрыта...
 Кто ты, дитя?»

—«Я—Афродита».

—«Пѣннорожденная! Андіомена!
 Къ жертвамъ привыкшая Эроса мать,
 Здѣсь, гдѣ властители—купля и мѣна,
 Что тебѣ медлить? чего тебѣ ждать?»

—«Всюду я, гдѣ трепеть страстный
 Своевольно зыблеть грудь.
 Вы безсильны, вы невластны
 Тайну страсти обмануть!»

Б7

«Тгите зовомъ поцѣлуя,
О любви ведите торгъ,—
Въ мигъ послѣдній, торжествуя,
Опьянить глаза восторгъ!

«Всѣ признанья, ласки, клятвы,
Ревность, близость—лишь тропа,
Гдѣ иду я къ полю жатвы
Съ яркой молніей серпа

«Въ тишинѣ алькововъ брачныхъ,
И въ весельи грѣшныхъ ложъ,
Желтизну колосевъ злачныхъ
Узнаеть равно мой ножъ,

«Здѣсь или нѣтъ, пришлецъ случайный,
Ницъ ты склонишься челомъ—
Предъ моей предвѣчной тайной,
Подъ моимъ святымъ серпомъ!»

v

ВЪ РЕСТОРАНЪ.

Горите бѣлыми огнями,
 Тѣснины улицъ! Двери въ адъ,
 Сверкайте пламенемъ предъ нами,
 Чтобъ не блуждать намъ наугадъ!

Какъ лица женщинъ въ синемъ свѣтѣ
 Обнажены, углублены!
 Взметаите яростныя плети
 Надъ всѣми, дѣти Сатаны!

Хрусталь горитъ. Вино играетъ.
 Въ немъ солнца лучъ освобожденъ.
 Напѣвъ ли вальса замираетъ
 Иль отдаленный сонный стонъ?

Ты вновь со мной! ты—та же! та же!
 Дай повторять слова любви...
 Хохочутъ дьяволы на стражѣ,
 И алебарды ихъ—въ крови!

7*

Звени огнемъ,—стаканъ къ стакану!
Смотри изъ пытки на меня!
—Плыветъ, плыветъ по ресторану
Синь воскресающаго дня.

VI

ВЪ ВАГОНЪ.

Въ ея глаза зеленые
Взглянулъ я въ первый разъ,
Въ ея глаза зеленые,
Когда нашъ свѣтъ погасъ.

Два спутника случайные,
Въ молчаньи безъ огней,
Два спутника случайные,
Мы стали близки съ ней.

Дрожалъ вагонъ размѣренно,
Летѣлъ своимъ путемъ,
Дрожалъ вагонъ размѣренно,
Качая насъ вдвоемъ.

И было здѣсь вліяніе,
Качанія и тьмы,
И было здѣсь вліяніе,
Въ которомъ никли мы.

Въ ея глаза зеленые
Взглянуть я въ первый разъ,
Въ ея глаза зеленые,
Когда въ нихъ свѣтъ погасъ.

vii

КРЫСОЛОВЪ

Я на дудочкѣ играю
Тра-ля ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочкѣ играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой рѣчки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлютъ тихія овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля.
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домикъ тамъ таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой дѣвушкѣ приснится,
Что ей душу отдасть я.

И на нѣжный зовъ свирѣли,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Выидеть словно къ свѣтлой цѣли
Черезъ садъ, черезъ поля.

И въ лѣсу подъ дубомъ темнымъ,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Будеть ждуть въ бреду истомномъ,
Въ часъ когда уснетъ земля.

Встрѣчу гостью дорогую,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вплоть до утра зацѣлю,
Сердце лаской утоля.

И смѣнившись съ ней колечкомъ,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее къ овечкамъ,
Въ садъ, гдѣ стройны тополя.

viii

ПОСЛѢ ПИРА.

Мы съ дрожью страсти и печали,
Едва надъ моремъ разсвѣло,
Ей чресла розами вѣнчали
И гіацинтами чело.

На тѣлѣ розовомъ и бѣломъ,
Какъ кровь горѣли капли розъ,
Одни мы были въ мірѣ цѣломъ,
И храмомъ сталъ нагой утесъ.

Жрецы ночей и наслажденій,
Мы передъ вѣчной Красотой
Склонили радостно колѣни,
Воспѣвъ невольно гимнъ святой.

Но тамъ внизу, когда тумана
Раздвинулся густой покровъ,
Открылись вышедшія рано
На ловлю лодки рыбаковъ.

И отзвукъ пѣсни ихъ убогой
На высотѣ слышавъ вдругъ,
Она, объятая тревогой,
Разорвала нашъ тѣсный кругъ.

И солнце, безошаднымъ ликомъ,
Взглянувъ, огнемъ зажгло волну,
И, шагъ ступивъ, съ побѣднымъ крикомъ
Она низверглась въ глубину.

IX

КАМЕНЩИКЪ.

Камни, полдень, пыль и молотъ,
Камни, пыль, и зной,
Горе тѣмъ, кто свѣжъ и молодъ,
Здѣсь въ тюрьмѣ земной!

Намъ дана любовь—какъ цѣпи,
И нужда—какъ плеть...
Кто уйдетъ въ пустыя степи
Вольно умереть!

Камни, полдень, пыль и молотъ,
Камни, пыль и зной...
Камень молотомъ расколотъ,
Длится трудъ дневной.

Камни бьемъ, чтобъ жить на свѣтѣ,
И живемъ,—чтобъ бить...
Горе тѣмъ, кто нынѣ дѣти,
Тѣмъ, кто долженъ быть!

Камни, полдень, пыль и молотъ,
Камни, пыль и зной...
Распахнетъ ли смертный холодъ
Двери въ міръ иной!

x

ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ.

Тѣсно во мглѣ мы сидимъ,
Люди, надъ ярусомъ ярусъ.
Зыблются вѣтромъ живымъ
Гдѣ-то и стяги и парусъ!

Въ узкія окна закатъ
Краснаго золота бросилъ.
Выступилъ сумрачный рядъ
Тѣлъ, наклоненныхъ у весель.

Цѣпи жестоки. Навѣкъ
Къ мѣсту прикованы всѣ мы.
Гдѣ теперь радостный бѣгъ
Нами влекомой триремы?

Рѣжемъ ли медленный Ниль,
Мѣсимъ ли фризскую тину?
Или насъ Рокъ возвратилъ
Къ бѣлому мысу Пахину?

Пѣсню намъ что ли начать?
 Но не разслышать и жалобъ
 Тѣ, кто достойны дышать
 Моремъ съ разубранныхъ палубъ!

Кто тамъ? Нагая ль жена
 Дремлетъ на шкурѣ пантеры?
 Чу! это пѣсня слышна
 Въ честь вѣнценосной гетеры.

Или то Цезарь-пѣвецъ
 Лирой тревожить Тритона,
 Слава свой вѣчный вѣнецъ,
 Слава величіе трона?

Нѣтъ! то военныхъ рожковъ
 Вызовъ, готовящій къ бою!
 Я для друзей иль враговъ
 Волны упругія рою?

Эхъ, что мечтать! все равно—
 Цезаря влечь иль пирата!
 Тускло струится въ окно
 Отблескъ послѣдній заката.

Быстро со мглой гробовой
 Снова сливаемся всѣ мы,
 Мча на невѣдомый бой
 Бѣгъ быстролетной триремы.

XI

УЛИЧНЫЙ МИТИНГЪ.

Кто председатель? кто вожатый?
Не ты ли Гордый Духъ, съ мечомъ,
Какъ черный нетопырь—крылатый,
Но ликомъ сходный съ божествомъ?

Не ты ль подсказываешь крики
И озлобленья и вражды,
И шепчешь, хохоча, улики,
И намѣчаешь жертвъ ряды?

Не ты ли въ мигъ послѣдній взглянешь
Въ лицо всѣмъ—яростнымъ лицомъ,
И въ руки факелы протянешь
Съ неумирающимъ огнемъ?

И вспыхнуть заревомъ багрянымъ
На вѣчномъ небѣ облака,
И озарятся за туманомъ
Еще не оставшіе вѣка.

Ты въ пламени и клубакъ дыма
Отпляшешь танецъ страшный свой,
Какъ нынѣ властвуя незримо
Надъ торже ствующей толпой.

Да, ты пройдеши жестокой карой,
Но изъ наставшей темноты,
Изъ пепла общаго пожара
Воздвигнешь новый міръ—не ты!

ВЪ СКВЕРѢ.

(ERLKÖNIG)

—Что ты здѣсь медлишь въ померкшей коронѣ,
 Рыжая рысь?
 Сириусъ ярче горитъ на уклонѣ,
 Открытѣй высь.
 Таинство утра свершаетъ во храмѣ,
 Предъ алтаремъ, новоявленный день.
 Первые дымы встаютъ надъ домами,
 Первые шорохи выблюютъ разсвѣтную тѣнь.
 Мигъ—и знамена кроваваго цвѣта
 Кинетъ по вѣтру, воспрянувъ, Востокъ.
 Мигъ—и потребуетъ властно отвѣта
 Зовъ на сраженье—фабричный гудокъ.
 Улицы жаждутъ толпы, какъ голодные звѣри,
 Мигъ—и желанья насытить онѣ до конца...
 Что же ты медлишь въ блѣднѣющемъ скверѣ,
 Царь—въ потускнѣвшихъ лучахъ золотого вѣнца?

Рысь.

—«Да, я—царь! ты—сынъ столицы,
 Рабъ каменевъ, рабъ толпы,
 Но меня въ твои границы
 Привели мои тропы.

«Здѣсь на улицахъ избита
Вашей поступью трава,
Здѣсь подъ плитами гранита
Грудь земная не жива.

«Здѣсь не стонуть гордо сосны,
Здѣсь не шепчетъ кругъ осинъ,
Здѣсь побѣденъ шумъ колесный
Да далекій гулъ машинъ.

«Но во мглѣ былого вѣка,
Въ годы юности моей,
Я знавала и человѣка
Звѣремъ межъ иныхъ звѣрей.

«Вы взмятежились, отпали,
Вы, надменные, ушли
Въ города стекла и стали
Отъ деревьевъ, отъ земли.

«Что жъ теперь, встрѣчая годы
Безопаснаго труда,
Рветесь вы къ лучамъ свободы,
Дерзко брошенной тогда?

«Тамъ она, гдѣ нѣтъ условій,
Нѣтъ запретовъ, нѣтъ границъ,—
Въ міръ силы, въ міръ крови,
Тигровъ, барсовъ и лисицъ.

«Слыша крики, слыша стоны,
Вашу скорбную вражду,
Въ міръ свободы, въ міръ зеленый
Я, вашъ царь, давно васъ жду.

«Возвращайтесь въ лѣсъ и въ поле,
Освѣжить ихъ вѣтромъ грудь,
Чтобъ въ родной и въ дикой волѣ
Всей природы потонуть!»

СОВРЕМЕННОСТЬ.

Счастливъ, кто посѣтилъ сей мѣръ
Въ его минуты роковыя.

Ө. Т ю т ч е в ъ.

КИНЖАЛЬ.

Иль никогда на голосъ мщенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ...

Л е р м о н т о в ъ.

Онъ вырванъ изъ ноженъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни, отточенный и острый.
Поэтъ всегда съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсня съ бурей вѣчно сестры.

Когда не видѣлъ я ни дерзости ни силъ,
Когда всё подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно былые.

Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зовъ къ борьбѣ лишь хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.

Но чуть слышала я заветный зовъ трубы,
Едва раскинулись огнистыя знамена,
Я—отзывъ вамъ кричу, я—пѣсенникъ борьбы,
Я вторю грому съ небосклона.

Кликалъ поэзи! Кровавый молній свѣтъ,
Какъ прежде, пробѣжать по этой вѣрной стали
И свѣта я съ ледяки,—загнать что я поэты.
Загнать что молній сверкали.

1907-

II

ОДНОМУ ИЗЪ БРАТЬЕВЪ.

Свой судъ холодный и враждебный
Ты произнесъ, но ты неправъ!
Мои стихи—сосудъ волшебный
Въ тиши отстоенныхъ отравъ!

Стремлюсь, какъ ты, къ земному раю
Я, подъ безмѣрностью небесъ:
Какъ ты, на всѣхъ запястьяхъ знаю
Слѣды невидимыхъ желѣзъ.

Но, узникъ, ты, схватилъ сѣкиру,
Ты рубишь твердый камень стѣнъ,
А я, таясь, готовлю миру
Ядъ, гдѣ огонь запечатлѣнъ.

Онъ входитъ въ кровь, онъ входитъ въ душу,
Преображаетъ явь и сонъ...
Такъ! я незримо стѣны рушу,
Въ которыхъ духъ нашъ заточенъ.

Чтобъ въ день, когда мы сбросимъ цѣпи
Съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ,
Мечтамъ открылись бы всѣ степи
И волямъ—дали всѣхъ дорогъ.

1905.

III

КЪ ТИХОМУ ОКЕАНУ.

Снилось ты намъ съ нашихъ первыхъ вѣковъ
Гдѣ-то за высью чужихъ плоскогорій,
Въ свѣтѣ и въ пѣны полдневныхъ валовъ,
Южное море.

Топкая тундра, тугая тайга,
Страны шамановъ и призраковъ блѣдныхъ
Гордымъ грозили, закрывъ берега
Водъ заповѣдныхъ.

Но намъ вожатымъ былъ голось мечты!
Зовомъ звучали въ вѣкахъ ея клики!
Шли мы, слѣпые, и вскрылся намъ ты,
Тихій! Великій!

Чаша безмѣрная водъ! дай припасть
Къ блещущей влагѣ устами и взоромъ,
Дай утолить нашу старую страсть
Полнымъ просторомъ!

Вотъ чего ждали мы, дѣти степей!
Вотъ, она сродная сердцу стихія!
Чудо свершилось: на грани своей
Стала Россія.

Братъ-Океанъ! ты—какъ мы! дай обнять
Братскую грудь среди вражескихъ становъ.
Кто, дерзновенный, захочетъ раззять
Двухъ великановъ?

Январь 1904.

IV

ВОЙНА.

На камняхъ скаль, подъ ропоть бора
Предвѣчной Силой рождена,
Ты—дочь губящаго Раздора,
Дитя нежданное, Война.

И въ кругъ звѣрей, во мглу пещеры
Тебя швырнула въ гнѣвъ мать,
И съ дѣтства ты къ сосцамъ пантеры
Привыкла жадно припадать.

Ты мощью въ мать, хотя суровѣй,
По сердцу ты близка съ отцомъ,
И нелюдскую жажду крови
Всосала виѣсть съ молокомъ.

Какъ высшій судія, всевластно
Проходишь ты тропой вѣковъ,
И кровь блеститъ полоской красной
На жемчугахъ твоихъ зубовъ.

Ты золотую чашу «право»,
Отцовскій даръ, бросаешь въ міръ,
Чтобъ усладить струей кровавой,
Подъ гулы битвъ, свой страшный пиръ.

И за тобой, дружиной вѣрной
Спѣша, съ знаменами въ рукахъ,
Всѣ повторяютъ крикъ пантерный,
Тобой подслушанный въ лѣсахъ.

1904.

НА НОВЫЙ 1905 ГОДЪ.

И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ родится новый годъ.
 Ө. Т ю т ч е в ъ (18:5).

Весь годъ прошелъ какъ сонъ кровавый,
Какъ глухо душашій кошмаръ,
На облакахъ, какъ отблескъ лавы,
Грядущихъ дней горить пожаръ.

Какъ исполинъ въ ночномъ туманѣ
Всталъ новый годъ, суровъ и слѣпъ,
Онъ держитъ въ безпощадной длани
Вѣсы таинственныхъ судебъ.

Качнулись роковыя чаши,
При свѣтѣ молній внесены:
Тамъ жребіи врага и наши,
Знамена тяжкія войны.

Молчи и никни, умъ надменный!
Се—высшей истины пора!
Прель міромъ на доскѣ вселенной
Вѣковъ азартная игра.

И въ упоеніи и въ страхѣ
Мы, современники, слѣдимъ,
Какъ вьется кость, въ крови и прахѣ,
Чтобъ выпасть знакомъ роковымъ.

Декабрь 1904.

VI

КЪ СОГРАЖДНАМЪ.

Борьба не тихнетъ. Въ каждомъ домѣ
Стоитъ кровавая мечта,
И ждемъ мы въ тягостной истомѣ
Столбцовъ газетнаго листа.

Въ глухихъ степяхъ, подъ небомъ хмуримъ,
Тревожный духъ нашъ опочилъ,
Гдѣ надъ Мукденомъ, надъ Артуромъ
Парить безсмѣнно Азраилъ.

Теперь не время буйнымъ спорамъ,
Какъ и веселымъ звонамъ струнъ.
Вы, ликторы, закройте форумъ!
Молчи, неистовый трибунъ!

Когда падутъ крутыя Веи,
И встанетъ Римъ какъ властелинъ,
Пускай опять идутъ плебеи
На свой священный Авентинъ!

в9

Но въ часъ сраженій, въ ратномъ строѣ,
Всѣ—съ грудью грудь! и тотъ не правъ,
Кто назначенье міровое
Продать способенъ, какъ Исавъ!

Пусть помнятъ всѣ, что рядъ столѣтій
Россіи вѣдать суждено,
Что мы предъ ними—только дѣти,
Что наше время—лишь звено!

Декабрь 1904.

СОВРЕМЕННОСТЬ.

vii

ЦУСИМА.

Великолѣпная могила!

Пушкинъ.

Гдѣ море, сжатое скалами,
Рѣкой торжественной течеть,
Подъ знойно южными волнами,
Изнеможень, почилъ нашъ флотъ.

Какъ стая птицъ надъ океаномъ,
За нимъ тоскующей мечтой
По страннымъ водамъ, дивнымъ странамъ
Стремилась мы къ метѣ одной.

И въ день, когда въ огнѣ и бурѣ
Онъ, неповинный, шелъ ко дну,
Мы въ бездну канули съ лазури,
Мы пили смертную волну.

И мы, какъ онъ, лежимъ, беспильны,
Высь—недоступно далека,
И мчить надъ нами грузъ обильный,
Какъ прежде, южная рѣка.

И только слезы, только горе,
Толпой рыдающихъ наялъ,
На стрѣлахъ солнца сходятъ въ море,
Гдѣ наши остовы лежать.

Да вмѣстѣ призракъ величавый,
Россія горестная, твой,
Рыдаетъ надъ погибшей славой
Своей затѣи роковой!

И снова все въ вѣкахъ, далеко,
Что было близкимъ наконецъ—
И скипетръ Дальняго Востока,
И Рима Третьяго вѣнецъ!

Іюнь 1905.

VIII

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

Они кричать: за нами право!
Они клянуть: ты бунтовщикъ,
Ты поднялъ стягъ войны кровавой,
На брата брата ты воздвигъ!

Но вы, что сдѣлали вы съ Римомъ,
Вы, консулы, и ты, сенать!
О вашемъ гнетѣ нестерпимомъ
И камни улицъ говорятъ!

Вы мнѣ твердите о народѣ,
Зовете охранять покой,
Когда при васъ Милонъ и Клодій,
На площадяхъ всупаютъ въ бой!

Вы мнѣ кричите, что не смѣю
Съ сенатской волей спорить я,
Вы, Римъ предавшіе Помпею,
Во власть сѣкиры и копья!

Хотя бь прикрыли гробъ законовъ
Вы лаврами далекихъ странъ!
Но что же! Римскихъ легионовъ
Значки—во храмахъ у пареянъ!

Давно васъ ждуть въ родномъ Эребъ!
Вы—выродки былыхъ временъ!
Довольно споровъ. Брошень жребій.
Плыви, мой конь, черезъ Рубиконъ!

Августъ 1905.

IX

ЗНАКОМАЯ ПѢСНЬ.

Эта пѣснь душъ знакома,
Слушала я ее въ вѣкахъ.
Эта пѣснь—какъ говоръ грома
Надъ равниной, въ облакахъ.

Пѣлъ ее въ свой день Гармодій,
Повторилъ суровый Брутъ,
Въ каждомъ призванномъ народѣ
Тѣ же звуки оживуть.

Это—колоколь вселенной
Съ языкомъ изъ серебра,
Что качаютъ мигъ мгновенный
Робеспьеры и Марá.

Пусть ударятъ неумѣло:
Въ чистой мѣди тотъ же звонъ!
И надъ нами загудѣла
Пѣснь торжественныхъ времянь.

Я, быть можетъ, богомольнѣй,
Чѣмъ другіе, внемлю ей,
Не хвала на колокольнѣ
Неискусныхъ звонарей.

Августъ 1905.

x

ДОВОЛЬНЫМЪ.

Мнѣ стыдно вашихъ поздравлений,
Мнѣ страшно вашихъ гордыхъ словъ!
Довольно было униженій
Предъ ликомъ будущихъ вѣковъ!

Довольство ваше—радость стала.
Нашедшаго клочекъ травы.
Быть сытымъ—больше вамъ не нало,
Есть жвачка—и блаженны вы!

Прекрасенъ, въ мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадонъ,
И океанъ народной страсти,
Въ шепы дробящій утлый тронъ!

Но ненавистны полумѣры,
Не море, а глухой каналъ,
Не молнія, а полдень сѣрый.
Не агора, а общій залъ.

На этихъ вѣсѣхъ, довольныхъ малымъ,
Вы, дѣти пламеннаго дня,
Встаньте смерчемъ, смертнымъ скачкомъ,
Крушите жизнь—и съ ней хена!

18 октября 1905.

XI

ЛИКЪ МЕДУЗЫ.

Ликъ медузы, ликъ грозящій
Всталъ валъ далью темныхъ дней.
Взоръ—кровавый, взоръ горящій.
Волоса—сплетеня змѣй.

Это—хаосъ. Въ хаосъ черный
Насъ влечетъ, какъ въ срывъ, стезя.
Споримъ мы, иль мы покорны,
Намъ сойти съ пути нельзя!

Въ эти дни огня и крови,
Что сольются въ дикій бредъ,
Крикъ проклятій, крикъ злословій
Заклеймить тебя, поэтъ!

Но при заревахъ, у плахи,
На руинахъ всѣхъ святынь,
Славь тяжелыхъ ломовъ взмахи,
Лиры гордой не покинь.

Ты, кто пѣлъ безпечность смѣха
И святой покой могиль,
Ты отъ вѣка—въ міръ эхо
Всѣхъ живыхъ, всѣхъ мощныхъ силъ.

Міръ завѣтный, міръ прекрасный
Сгибнетъ въ безднѣ роковой.
Быть напѣвомъ бури властной
Вотъ желанный жребій твой.

Съ громомъ близокъ голосъ музы,
Древній хаосъ друженъ съ ней.
Здравствуй, здравствуй, ликъ Медузы,
Тамъ наль далью темныхъ дней.

Октябрь 1905.

xii

ГРЯДУЩЕ ГУННЫ.

Топчи ихъ рай, Аттила.

Вяч. Ивановъ.

Гдѣ вы, грядущіе гунны,
Что тучей нависли надъ міромъ!
Слышу вашъ топотъ чугунный
По еще не открытымъ Памирамъ.

На насъ ордой опьянѣлой
Рухните съ темныхъ станогій—
Оживить одряхлѣвшее тѣло
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцовъ, какъ бывало,
Всколосите веселое поле
На мѣстѣ троннаго зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите въ ихъ радостномъ свѣтѣ,
Творите мерзость въ храмѣ,—
Вы во всемъ неповинны какъ дѣти!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и вѣры.
Унесемъ зажженные свѣты,
Въ катакомбы, въ пустыни, въ пещеры.

И что, подъ бурей летучей,
Подъ этой грозой разрушеній,
Сохранить играющій Случай
Изъ нашихъ завѣтныхъ твореній?

Безслѣдно все сгинетъ, быть можетъ,
Что вѣдомо было однимъ намъ,
Но васъ, кто меня уничтожить,
Встрѣчаю привѣтственнымъ гимномъ.

xiii

КЪ СЧАСТЛИВЫМЪ.

Свершатся сроки: загорится вѣкъ,
Чей лучъ блеститъ на быстринѣ столѣтій,
И твердо станетъ вольный человѣкъ
Предъ ликомъ неба на своей планетѣ.

Единый Городъ скроетъ шаръ земной,
Какъ въ чешую, въ сверкающія стекла,
Чтобъ вѣчно жить ласкательной весной,
Чтобъ листьевъ зелень осенью не блекла.

Чтобъ не было разсвѣтовъ и ночей,
Но чистый свѣтъ, безъ облаковъ, безъ тѣни,
Чтобъ не былъ мѣръ ни твой, ни мой, ни ничей,
Но общій даръ идущихъ поколѣній.

Цари стихій, владыки естества,
Послѣдыши и баловни природы,
Начнутъ свершать, въ весельи торжества,
Какъ вѣчный пиръ, ликующіе годы.

Свобода, братство, равенство, все то,
 О чемъ томимся мы, почти безъ вѣры,
 Къ чему изъ насъ не припадетъ никто,—
 Тѣ вкусятъ смѣло, полностью, сверхъ мѣры.

Разоблаченныхъ тайнъ святой родникъ,
 Ихъ упоить въ безсонной жадѣ знанья,
 И Красоты осуществленный ликъ,
 Насытитъ ихъ предѣльными желанья.

И ляжемъ мы въ вѣкахъ какъ перегной,
 Мы всѣ, кто ищетъ, вѣрить, страстно дышитъ,
 И этотъ гимнъ, въ быломъ пропѣтый мной,
 Я знаю, мѣръ грядущій не услышитъ.

Мы станемъ сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ,
 Порой встающимъ тягостнымъ кошмаромъ.
 Они прійдутъ, какъ мы еще идемъ,
 За все заплатятъ имъ,—мы гибнемъ даромъ.

Но что жъ! Пусть такъ! Клони меня, Судьба,
 Дышать грядущимъ гордая услада!
 И есть иль нѣтъ дорога сквозь гроба,
 Я былъ! я есмь! мнѣ вѣчности не нало!

xiv

ФОНАРИКИ.

Столѣтія—фонарики! о сколько васъ во тѣмѣ,
 На прочной нити времени, протянутой въ умѣ!
 Огни многообразные, вы тѣшите мой взглядъ...
 То яркіе, то тусклые фонарики горять.
 Сверкають, разноцвѣтные, въ причудливомъ саду,
 Въ которомъ, очарованный, и я теперь иду.
 Вотъ пламенники красные,—подъ рядъ до десяти.
 Ассирія! Ассирія! мнѣ мимо не пройти!
 Хочу полюбоваться я на твой багряный свѣтъ:
 Цвѣты въ крови, трава въ крови, и въ небѣ красный слѣдъ.
 А вотъ гирлянда желтая квадратныхъ фонарей.
 Египеть! сила странная въ неяркости твоей!
 Пронизываетъ глуби всѣ твой безошадный лучъ,
 И тянется властительно съ земли до хмурыхъ тучъ.
 Но что горитъ высоко тамъ, и что слѣпить мой взоръ?
 Надъ озеромъ, о Индія, застылъ твой метеоръ.
 Внесенный, неподвиженъ онъ, въ пространствахъ—братъ звѣздъ,
 Но пляшутъ отраженія, какъ змѣи, по водѣ.
 Широкая, свободная, аллея вдаль влечетъ,
 И строгій свѣточъ благостно хранить открытый входъ.
 Тебя ли не признаю я, святой Перикловъ вѣкъ!
 Ты ясностью, прекрасностью побѣдно мракъ разсѣкъ!

BIO

Вхожу. Все блескомъ залито! всѣ сны воплощены!
Всѣ краски, всѣ сверканія, всѣ тѣни сплетены!
О Римъ, свѣтъ ослѣпительный одиннадцати чашъ:
Ты—бѣлый, торжествующій, ты намъ родной, ты нашъ!
Вѣкъ Данта—блескъ таинственный, зловѣще золотой...
Лазурное сіяніе, о Леонардо,—твой!..
Большая лампа Лютера—лучъ устремленный внизъ...
Двѣ маленькія звѣздочки, вѣкъ суетныхъ маркизъ...
Снопъ молній—Революція! За нимъ громадный шаръ,
О ты! вѣкъ девятнадцатый, беспламенный пожаръ!
И вотъ стою ослѣпшій я, мнѣ дальше нѣтъ дорогъ,
А сумракъ отдаленія торжествененъ и строгъ.
Къ сырой землѣ лицомъ припавъ, я лишь могу глядѣть,
Какъ вьется, какъ сплетается огней мелькнувшихъ сѣть.
Но вамъ молюсь, безвѣстные! еще въ ночной тѣни
Сокрытые, не жившіе, грядущіе огни!

СЛАВА ТОЛПѢ

СЛАВА ТОЛПѢ.

Въ пропасти улицъ закинута,
Городомъ взяты въ плѣнъ,
Что мы мечтаемъ о Солнцѣ потерянномъ!
Области Солнца задвинуты
Плитами комнатныхъ стѣнъ.
Въ свѣтъ искусственномъ,
Четкомъ, умѣренномъ,
Взоры отъ красокъ отучены,
Имъ ли въ расплавленномъ золотѣ зорь потонуть!
Гуломъ сопутственнымъ,
Лязгомъ желѣзнымъ
Празднуетъ городъ нашъ медленный путь.
Къ безднамъ все глубже уводять излучины...
Намъ къ небесамъ, огнезарнымъ и звѣзднымъ,
Не достигнуть!

Здравствуй же, Городъ, всегда озабоченный,
Въ свѣтъ искусственномъ,
Въ царственной смѣнѣ сверканій и тьмы!
Сладко да будетъ намъ въ сумракѣ чувственномъ
Этой всемирной тюрьмы!
Окна кругомъ заколочены,

Двери давно замуравлены,
 Сабли у стражи отточены,—
 Сабли вкусившія крови,—
 Всѣ мы—въ цѣпяхъ!
 Слушайте жъ лѣснь храмовыхъ славословій,
 Вѣчно живеть какъ кумирь намъ поставленный —
 Каменный прахъ!

Славлю я толпы людскія,
 Самодержавныхъ колодниковъ,
 Славлю дворцы золотые разврата,
 Славлю стеклянныя башни газетъ.
 Славлю я лики благіе
 Избранныхъ вѣкомъ угольниковъ —
 (Черни признание—безцѣнная плата,
 Дара поэту достойнѣе нѣтъ!)
 Славлю я радости улицы людной,
 Гдѣ съ дерзостнымъ взоромъ и мерзостнымъ хохотомъ
 Предлагаютъ блудницы
 Любовь,
 Гдѣ съ ропотомъ, топотомъ, грохотомъ
 Двигутся лица вереницы,
 Вновь
 Странно задѣты тоской изумрудной
 Первыхъ тѣней,—
 И летять экипажи, какъ строй безразсудный,
 Мимо зеркальныхъ сіяній,
 Мимо рукъ, что хотятъ подаяній,
 Къ ликующимъ вывѣскамъ наглыхъ огней!

Но славлю и день ослѣпительный
 (Въ тысячахъ дней неизбежный),

Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо,
Толпа возвышает свой голосъ мятежный,
Властительный,
Въ безуміи пьяныхъ веселій
Все прошлое топчетъ во прахъ,
Играетъ, со смѣхомъ, въ кровавыя плахи,
Но, словно влекома таинственнымъ гениемъ.
(Какъ рѣка свои воды къ простору несущая)
Съ неуклоннымъ прозрѣніемъ,
Стремится къ торжественной цѣли,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слѣпа,
Открываетъ дорогу въ столѣтѣя грядущія!

Славлю я правду твоихъ своеволій,
Толпа!

ДУХИ ОГНЯ.

ДУХИ ОГНЯ.

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ
Какъ горящія головы темныхъ повѣшенныхъ,
Фонари въ высотѣ, не мигая, горѣли.
Дѣлали двойственнымъ мѣръ зеркальныя окна.
Бѣдныя дѣти земли
Навстрѣчу мнѣ шли,
Города дѣти и ночи:
(Тѣни скорбей неутѣшенныхъ,
Ткани безвѣстной волокна!)
Чета бульварныхъ камелей,
Франтъ въ распахнутомъ пальто,
Запоздалый рабочій,
Старикашка хромающій, юноша пьяный...

Звѣзды смотрѣли на мѣръ, проникая туманы,
Но звѣздъ—въ электрическомъ свѣтѣ—не видѣлъ никто.

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ.
Шагъ за шагомъ надалѣ я въ бездны,

Въ хаосъ предсвѣтно-дозвѣздный.
 Я видѣлъ кипящій базальтъ,
 Въ озерахъ стоящій порфиръ,
 Ручьи раскаленного золота,
 И: рушились ливни на пламенный мѣръ,
 И снова вносились густыми клубами какъ паръ,
 Изорванный молньями въ клочья.
 И слышались громы: на огненный шаръ.
 Дрожавшій до тайнъ своего средоточья,
 Ложился удары незримаго молота.

Въ этомъ горнилѣ вселенной,
 Въ этомъ смѣшеніи всѣхъ силъ и веществъ,
 Я чувствовалъ жизнь изступленныхъ существъ,
 Дыханіе воли нетлѣнной.
 О, мои старшіе братья,
 Первенцы этой планеты,
 Духи огня!
 Моей душѣ раскройте объятъя,
 Въ свои предчувствія—свѣты,
 Въ свои желанья--пожары
 Примите меня!

Дайте дышать ненасытностью вашей,
 Дайте низвергнуться въ вихрь, непрерывный и ярый,
 Вашихъ безмѣрныхъ трудовъ и безумныхъ забавъ!
 Дайте принасть мнѣ къ сверкающей чашѣ
 Васъ опьянявшихъ отравъ!
 Вы,—отъ земли къ облакамъ простиравшіе члены,
 Вы, кого зыблилъ всегда огнеструйный самумъ,
 Водопадъ катастрофъ,—
 Дайте причастнымъ мнѣ быть неустанной измѣны,

Дайте мнѣ вашихъ грохочущихъ думъ,
Молнійныхъ словъ!

Я буду соратникомъ вашихъ космическихъ споровъ,
Стихійныхъ сраженій,
Колевавшихъ нашъ міръ, на его непреложной орбитѣ!
Я голосомъ стану торжественныхъ хоровъ,
Славящихъ творчество Бога и благодать грядущихъ событий,
Въ оркестрѣ домірномъ я стану поюшей струной!
Извѣдаю съ вами костры наслажденій,
На огненномъ ложѣ,
Въ объятыхъ расплавленной стали,
У пылающей пламенемъ груди,
Касаясь устами сжигающихъ устъ!
Я былинка въ вулканѣ,—такъ что же!
Вы—духи, мы—люди,
Но земля насъ сроднила единствомъ блаженствъ и печалей,
Безъ насъ, какъ безъ васъ, этотъ шаръ бездыханенъ и пустъ!

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ.
Фонари не мигая горѣли,
Какъ горящія головы темныхъ повѣшенныхъ.
Бѣдныя дѣти земли
Навстрѣчу мнѣ шли:
(Тѣни скорбей неутѣшенныхъ!)
Чета бульварныхъ камелій,
Запоздалый рабочій,
Старикашка хромающій, юноша пьяный,—
Города дѣти и ночи...
Звѣзды смотрѣли на міръ, проницая туманы.

КОНЬ БЛѢДЪ.

И се конь блѣдъ и сидящій на
немъ, имя ему Смерть.

Откровение, VI, 8.

КОНЬ БЛѢДЪ.

I

Улица была—какъ буря. Толпы проходили,
Словно ихъ преслѣдовалъ неотвратимый Рокъ.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Быль неисчерпаемъ яростный людской потокъ.

Вывѣски, вертясь, сверкали перемѣннымъ окомъ,
Съ неба, съ страшной высоты тридцатыхъ этажей;
Въ гордый гимнъ сливались съ рокотомъ колесъ и скокомъ,
Выкрики газетчиковъ и шелканье бичей.

Лили свѣтъ безжалостный прикованныя луны,
Луны, сотворенныя владыками естество.
Въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ гулѣ—души были юны,
Души опьянѣвшихъ, пьяныхъ городомъ существъ.

II

И внезапно—въ эту бурю, въ этотъ адскій шопотъ,
Въ этотъ, воплотившійся въ земныя формы бредъ,
Ворвался, вонзился чуждый несозвучный топотъ,
Заглушая гулы, говоръ, грохоты каретъ.

Показался съ поворота всадникъ огнеликій,
 Конь летѣлъ стремительно и сталъ съ огнемъ въ глазахъ.
 Въ воздухѣ еще дрожали—отголоски, крики,
 Но мгновенье было—трепетъ, взоры были—страхъ!

Былъ у всадника въ рукахъ развитый длинный сви токъ,
 Огненныя буквы возвѣщали имя: Смерть...
 Полосами яркими, какъ пряжей пышныхъ нитокъ,
 Въ высотѣ надъ улицей вдругъ разгорѣлась твердь.

III

И въ великомъ ужасѣ, скрывая лица,—люди
 То бессмысленно зывали: «Горе! съ нами Богъ!»
 То, упавъ на мостовую, бились въ общей грудѣ...
 Звѣри морды прятали, въ смятеньи, между ногъ.

Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
 Красоты своей,—въ восторгѣ бросилась къ коню,
 Плача цѣловала лошадиныя копыта,
 Руки простирала къ огневъющему дню.

Да еще безумный, убѣжавшій изъ больницы,
 Выскочилъ, растерзанный, пронзительно крича:
 «Люди! Вы ль не узнаете Божіей десницы!
 Сгинетъ четверть васъ—отъ мора, глада, и меча!»

IV

Но восторгъ и ужасъ длились — краткое мгновенье.
 Черезъ мигъ въ толпѣ смятенной не стоялъ никто:
 Набѣжало съ улицъ смежныхъ новое движенье,
 Было все обычнымъ свѣтомъ ярко залито.

И никто не могъ отвѣтить, въ бурѣ многошумной,
 Было ль то видѣнье свыше или сонъ пустой.
 Только женщина изъ залъ веселья, да безумный
 Все стремили руки за исчезнушей мечтой.

Но и ихъ рѣшительно людскія волны смыли,
 Какъ слова ненужныя изъ позабытыхъ строкъ.
 Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
 Былъ неисчерпаемъ яростный, людской потокъ

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ МАЛЬДУНА.

Вѣрные челны причальте
Къ этимъ унылымъ тѣснинамъ.
Здѣсь на холодномъ базальтѣ
Черную ночь провести намъ!

Ахъ! вамъ все снятся магноліи
Купы надъ синимъ заливомъ,—
Время блаженной неволи,
Жизнь въ упоеньи лѣнивомъ.

Ахъ! вамъ все помнятся, братья,
Очи подругъ долго-жданныхъ,
Ихъ огневая объятъ,
Тайны ночей бездыханныхъ!

Полно! извѣдано счастье!
Кубокъ пустой опрокинуть.
Слаще, чѣмъ дрожь сладострастья,
Вольныя волны насъ ринуть.

Кормы, качаясь на влагѣ,
Манятъ насъ къ Новому свѣту.
Мы по природѣ,—броляги,
Мы—моряки по обѣту!

Спите же сномъ беззаботнымъ,
Здѣсь, гдѣ я посохъ свой бросилъ:
Завтра, чуть утро блеснетъ намъ,
Снова мы сядемъ у веселья!

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Къ стр. 30. Ато, по финской мѣологіи,—водяной царь; само,—въ Калевалѣ, волшебная мельница; Суоми—Финляндія.

Къ стр. 39—41. «Орфей и Эвредика». Орфей очаровалъ своей лирой бога подземнаго царства, и тотъ возвратилъ ему Эвредика, но съ условіемъ, что Орфей ни разу не оглянется на нее, пока будетъ вести ее изъ міра мертвыхъ въ міръ живыхъ.

Къ стр. 42—44. «Медея». Волшебница Медея, дочь Колхидскаго царя Ээта, помогла Язону овладѣть золотымъ руномъ. Язонъ увезъ Медею съ собою въ Коринѣ. Позднѣе, однако, Язонъ задумалъ жениться на Креузѣ, дочери царя Креона. Медея умертвила Креузу, пославъ ей въ подарокъ отравленную одежду, убила своихъ дѣтей, рожденных отъ Язона, и бѣжала изъ Коринѣа на колесницѣ, запряженной крылатыми драконами.

Къ стр. 45—46. «Тезей Аріаднѣ». Критскій лабиринтъ, гдѣ заключенъ былъ Минотавръ, былъ построенъ Дедаломъ. Аріадна, дочь критскаго царя, научила Тезея, какъ выйти изъ лабиринта, съ помощью клубка нитокъ, разматываемыхъ по пути. Уѣзжая съ Крита, Тезей взялъ Аріадну съ собою, но бросилъ ее на островѣ Наксосѣ, гдѣ встрѣтилъ ее богъ Діонисъ. Тезей не перемѣнилъ траурной оснастки корабля на бѣлую, что было знакомъ успѣха. Отецъ Тезея, Эгей, видя приближающіяся черныя паруса, бросился въ море.

Къ стр. 47—48. «Ахиллесъ у алтаря». По одной версії сказаній, греки и трояне, въ концѣ войны, думали заключить миръ, сочетавъ бракомъ Ахиллеса и Поликсену, дочь Пріама. Но Ахиллесъ былъ убитъ стрѣлой, пущенной Парисомъ и направленной самимъ Аполлономъ.

Къ стр. 49—50. «Бальдеру Локи». По скандинавской мифологіи, свѣтлый богъ Бальдеръ погибъ отъ коварства злого Локи, направившаго, во время игръ, стрѣлу слѣпому Гаду. Въ наказаніе боги приковали Локи къ скалѣ, а надъ нимъ повѣсили ядовитую змѣю, жгучій ядъ которой падалъ на его лицо. Вѣрная жена Локи, Сигина, сидѣла подлѣ и держала надъ нимъ чашу, перехватывая капли яда. Элла предрекаетъ, однако, грядущее торжество Локи. Боги мрака и огня начнутъ войну со свѣтлыми асами, одолѣютъ ихъ, и вся вселенная сгоритъ. Чертоги Одина, Гладгеймъ, стоятъ въ серединѣ Асгарда, царства асовъ; Нерта—богиня земли; Гела—богиня мертвыхъ; Игдразиль—исполинское дерево, соединяющее всѣ восемь міровъ, корни его въ аду, стволъ на землѣ, вершина въ небѣ.

Къ стр. 53—54. «Орфей и Аргонавты». Цѣлью плаванія героевъ на кораблѣ Арго было золотое руно, издавна похищенное у минійцевъ. Язонъ былъ предводителемъ всего похода; Тифисъ кормщикомъ; Линкей славился зоркостью, Гераклъ силой. Нелей—отецъ Нестора, Менотій—отецъ Патрокла. Симплегады—вѣчно движущіяся скалы, которыя раздавливали корабли, проходяшія между ними.

Къ стр. 61—64. Геката — лунная богиня въ греческой мифологіи; Астарта—въ финикійской; Тотъ (Thot)—въ египетской. Въ то же время Геката—богиня волшебства, а Тотъ—богъ тайныхъ истинъ, «писецъ боговъ», «владыка небесныхъ словъ». Изиды—жена Озириса, бога свѣта и дня.

Къ стр. 83—84. По халдейской мифологіи богиня Истаръ (Астарта) сошла въ подземное царство, въ жилище Иркаллы, и вывела мертвыхъ къ жизни. Истаръ въ то же время богиня любви; ей была посвящена утренняя звѣзда (Венера).

Къ стр. 119—120. «Кинжалъ». Стихи эти были написаны въ 1903 г., при обстоятельствахъ, объяснить которыя здѣсь не мѣсто. По цензурнымъ условіямъ стихотвореніе въ свое время не могло быть напечатано

и появилось лишь въ № 10 «Новаго Пути» за 1904 г., въ эпоху такъ называемой «весны», обративъ на себя неожиданное для меня вниманіе печати (см., напр., «Русь» отъ 13 ноября и отъ 11 дек. 1904 г., «Русс. Вѣдомости» отъ 16 ноября 1904, «Новости» отъ 16 ноября 1904, «Вѣстникъ Юга» отъ 3 декабря 1904, «Правда» май 1905, «Голосъ Жизни» іюнь 1905 г.)

Къ стр. 123. «Къ Тихому Океану». Будущее, уже пережитое нами, жестоко опровергло послѣднія слова стихотворенія. Я не счелъ, однако, необходимымъ исключить его изъ сборника, и долженъ сознаться что, подобно многимъ, ошибался, ожидая конечнаго торжества Россіи въ начинавшейся войнѣ.

Къ стр. 133 и 135. «Юлій Цезарь» и «Знакомая пѣснь». Эти стихотворенія написаны до октябрьскихъ событій.

Всѣ стихотворенія, вошедшія въ этотъ сборникъ, написаны послѣ 1902 г. Нѣкоторыя (отмѣченныя въ оглавленіи) были ранѣе напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ (въ «Новомъ Пути», «Вопросахъ Жизни», «Журналѣ для всѣхъ», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», «Бесѣдѣ», «Словѣ», «Вѣсахъ» и др.), но ни одно не входило въ предыдущіе сборники моихъ стиховъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

He is my dear friend
recollecting that as a child
my son is my dear friend!

H. D. 13/25/1902

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, появляющіеся въ печати въ первый разъ, отмѣчены звѣздочкой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.	Стр.
Предисловіе	V
ПОСВЯЩЕНІЕ:	
* Вячеславу Иванову	3
ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.	
I. Привѣтствіе	7
II. Воздухъ становится синимъ	9
III. Помню вечеръ, помню лѣто	10
IV. Туманъ	11
V. Голосъ прошлаго	13
* VI. Цѣленіе	15
VII. Охотникъ	17
VIII. Прощаніе	18
* IX. Тишина	19
X. Первая встрѣча	21
* XI. Умираніе любви	23
XII. Вечеръ послѣ дождя	25
* XIII. На Саймѣ. 1—7	27
ПРАВДА ВѢЧНАЯ КУМИРОВЪ	
I. Къ Демерѣ	35
II. Адамъ и Ева	37
III. Орфей и Эвредика	39
IV. Мелея	42
V. Тезей Аріаднѣ	45
VI. Ахиллесъ у алтаря	47
VII. Бальдеру Локи	49
* VIII. Къ Олимпійцамъ	51
IX. Орфей и аргонавты	53

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

* I. Въ полдень	57
II. Портретъ	59
III. Жрица Луны. 1.	61
IV. Жрица Луны. 2.	63
* V. Кубокъ	65
VI. Молнія	66
VII. Въ застѣнкѣ	67
VIII. Видѣніе крыльевъ	69
IX. Антоній	71
X. Клеопатра	73
* XI. Въ тюрьмѣ	75
XII. Послѣдній пиръ	77
* XIII. Въ склепѣ	79
* XIV. Два голоса	81
* XV. Изъ ада изведенные	83
* XVI. Мгновенія. 1—5	85
XVII. Маргеритъ	89

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.

I. Встрѣчи. 1.	93
II. Встрѣчи. 2	94
* III. Въ игорномъ домѣ	95
* IV. Въ публичномъ домѣ	97
* V. Въ ресторанѣ	99
VI. Въ вагонѣ	101
* VII. Крысоловъ	103
* VIII. Послѣ пира	105
* IX. Каменщикъ	107
X. Гребцы триремы	109
* XI. Уличный митингъ	111
* XII. Въ скверѣ	113

СОВРЕМЕННОСТЬ.

I. Кивжалъ	119
II. Одному изъ братьевъ	121
III. Къ Тихому океану	123
* IV. Война	125
V. На новый 1905 годъ	127
VI. Къ согражданамъ	129
* VII. Цусима	131
* VIII. Юлій Цезарь	133
IX. Знакомая пѣснь	135

* X. Довольнымъ	137
XI. Ликъ медузы	139
XII. Грядущіе гунны	141
XIII. Къ счастливымъ	143
XIV. Фонарики	145
СЛАВА ТОЛПЪ.	
* Слава Толпъ	149
ДУХИ ОГНЯ.	
* Духи огня	155
КОНЬ БЛѢДЪ.	
Конь блѣдъ	161
ЗАКЛЮЧЕНІЕ.	
* Изъ пѣсенъ Мальдуна	167
ПРИМѢЧАНІЯ.	
Примѣчанія	171

ПОПРАВКИ.

Стр.	Напечатано		Назо.
21		Пропущено	Х
43	Этскаго		Этова.
45	Вазиль		Разиль
47	Филоктетова		Аполлонова
68	прижгли.		прожгли.

Книгоиздательство „СКОРПІОНЪ“.

І. СТИХИ.

- К. Д. Бальмонтъ.** Полное собраніе стиховъ. Томъ І. («Подъ Сѣвернымъ Небомъ», «Въ безбрежности», «Тишина»). М. 1905 г. Ц. 2 руб.
Томъ ІІ. («Горящія зданія» и «Будемъ какъ солнце»). М. 1904 г. Ц. 3 р.
- Валерій Брюсовъ.** Urbi et orbi. Стихи 1900—1903 г. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ.** Stephanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903 — 1905 г. Ц. 2 р.
- Ив. Бунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905 г. Ц. 1 р.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- З. Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- А. Добролюбовъ.** Изъ книги невидимой. М. 1905 г. Ц. 1 р.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и предисловіемъ Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Д. С. Мережковский.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. (Баллада Родингской тюрьмы). Переводъ съ англійскаго размѣромъ подлинника К. Бальмонта. Обложка (портретъ О. Уайльда) работы М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к.

ІІ. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія (1-я, героическая) въ 4 частяхъ. Обложка воспроизводитъ рисунокъ О. Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Панъ Изъ записокъ лейтенанта Глана. Романъ. Пер. съ норвежскаго С. А. Полякова. Пред. К. Бальмонта. М. 1901 г. Ц. 1 р.
- Жагадись.** Облака. М. 1905 г. Ц. 65 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Съеста. Очерки и рассказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

- М. Мэтерлиниъ.** Избіеніе младенцевъ. Разсказъ. Со статьей А. ванъ Бевера о жизни и творчествѣ М. Мэтерлинка. М. 1904 г. Ц. 40 к.
- Здгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки, разсказы. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 2 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Полное собраніе сочиненій, въ 4 томахъ.
Томъ I. Homo Sapiens. Романъ въ 3 частяхъ. Пер. М. Семенова.
Изд. 2-е. М. 1904 г. Обложка Н. Теофилактова. Ц. 2 р. 40 к.
Томъ II. Pro domo sua. De profundis. У моря. Сыны Земли. (Романъ въ 3 ч.). Пер. М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. М. 1905 г. Обложка Н. Наумана. Ц. 2 р. 40 к.
- Ст. Пшибышевскій.** Сыны Земли. Романъ. Пер. Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.
- Ведоръ Сологубъ.** Жало Смерти. (Шесть разсказовъ). М. 1905. Ц. 1 р. 50 коп.

III. ДРАМЫ.

- Габриэль д'Анниунцо.** Трагедія. «Мертвый городъ», «Джіоконда», «Слава». Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1905 г. Ц. 50 к.
- Генрикъ Ибсенъ.** Когда мы мертвые проснемся. Пер. съ норвежскаго С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса. Изд. 2-е. М. 1900 г. Ц. 50 коп.
- А. Зиновьева-Аннибалъ.** Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Ст. Пшибышевскій.** Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Печатается.
- Артуръ Щницлеръ.** Зеленый попугай. Трилогія («Парацельсъ», «По-друга», «Зеленый попугай»). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

- Г. Ландсбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.
- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.
- Д. С. Мережковскій.** Гоголь и чертъ. Исслѣдованіе. Обложка Н. Теофилактова. М. 1905 г. Ц. 2 р.
- Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

V. АЛЬМАНАХИ.

- Сѣверные цвѣты.** на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М, 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 г. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи. К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковского, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевского, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Визитки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904—5 г. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три разцвѣта“ драма К. Бальмонта. „Земля“, сцены изъ будущихъ временъ, Валерія Брюсова, „Танталъ“, трагедія Вяч. Иванова, стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ф. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппиусъ, М. Кривицкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всё украшенія Н. Феофилактова. М. 1905 г. Ц. 6 р., для подписчиковъ „Вѣсовъ“ 3 р.

РАСПРОДАНЫЯ ИЗДАНЫЯ:

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ солнце. Обложка Фидуса. М. 1903 г.
Валерій Брюсовъ. *Tertia Vigilia.* Стихи 1897—1900 г. М. 1901 г.

Андрей Бѣлый. Симфонія (2-я драматическая). М. 1902 г.

А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ, Предисловія Валерія Брюсова и Ив. Конева. М. 1900 г.

Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ Н. Рачинскій. М. 1904 г.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. М. 1902 г.

А. Л. Миропольскій. Лѣствица. Предисловіе Валерія Брюсова. М. 1902 г.

Сѣверные цвѣты на 1903 г. Обложка Л. Бакста. М. 1903 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПИОНЪ“ высылаетъ всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23), свои изданія, принимая почтовые расходы на свой счетъ. Но расходы по наложенію платежа гг. покупатели должны принимать на себя.

Провинціальныя книжныя магазины пользуются уступкой 30%, но должны принимать на себя расходы по пересылкѣ книгъ. Гг. подписчики „Вѣсовъ“ пользуются скидкой 15% со всѣхъ изданій к-ва „Скорпионъ“, кромѣ изданныхъ въ небольшомъ количествѣ.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпионъ“ и редакціи журнала „Вѣсы“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23. (Телефонъ 50—89) Контора открыта кромѣ праздниковъ отъ 2 до 7 ч. вечера. Отдѣленіе конторы: Петербургъ, Садовая 18, книжный складъ „Комиссіонеръ“.

Ежемесячный журнал искусствъ и литературы

„ВЪСЫ“.

1906. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ.

Въ 1906 году „Вѣсы“ издаются подъ прежней редакціей и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ, но въ увеличенномъ объемѣ и по значительно расширенной программѣ, въ которую включенъ **беллетристическій отдѣлъ**.

Въ „Вѣсахъ“ 1906 г., будутъ помѣщаться: стихи, романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, самостоятельныя статьи по всемъ общимъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью, литературой и наукой, характеристики и біографіи современныхъ дѣятелей слова и искусства, критическія статьи о выдающихся новыхъ произведеніяхъ мысли и подробные критическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы. „Вѣсы“ имѣютъ собственныхъ корреспондентовъ во всехъ европейскихъ центрахъ умственной жизни. Каждый № „Вѣсовъ“ даетъ подробную бібліографію русскихъ и иностранныхъ книгъ.

Съ № 1 „Вѣсовъ“ 1906 года начнется печатаніемъ **историческій романъ Валерія Брюсова**, изъ эпохи нѣмецкаго реформаціоннаго движенія XVI вѣка, въ трехъ частяхъ.

Въ „Вѣсахъ“ принимаютъ участіе: К. Бальмонтъ, Ю. Балтрушайтисъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Максъ Волошинъ, Э. Гиппиусъ, Ренэ Гилъ (René Ghil), Ремп де Гурмонъ (Remy de Gourmont), Н. Досѣкинъ, С. Ешбоевъ, Вячеславъ Ивановъ, В. Каллашъ, К. Коровня, С. Котляревскій, Маркъ Кривичскій, В. Лазурскій, Н. Лернеръ, М. Ликіардопуло, Д. Мережковский, Н. Минскій, В. Морфилъ (W. Morfill), Дж. Паппи, (G. Papini), П. Перловъ, Ст. Пшибышевскій (S. Przybyszewski), С. Рафаловичъ, П. Рачинскій, В. Ребиковъ, А. Ремизовъ, Н. Рерихъ, В. Розановъ, Б. Садовской, М. Семеновъ, Ѳ. Сологубъ, Д. Философовъ, Г. Чулковъ, Максимиліанъ Шникъ (Max Schick), А. Яценко и др.

„Вѣсы“ выходятъ 12 разъ въ годъ, въ концѣ каждаго мѣсяца, тетрадями около 100 страницъ, съ оригинальными рисунками и виньетками русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Условія подписки. Годъ съ доставкой и пересылкой по всей Россіи—пять рублей. Адресъ: Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23. Телефонъ 50-89.

Редакторъ-издатель **С. А. Поляковъ**.